

Идеальный донор. Столица

Автор:

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Столица

Наталья Викторовна Бутырская

Идеальный донор #3

Преодолев немало препятствий и пережив не самые приятные приключения, Шен и Байсо приезжают в столицу, но из-за махинаций Джин Фу им придется окунуться в интриги крупнейшего Торгового дома страны. Сможет ли Шен поступить в университет, как он и планировал, или все сорвется в последний момент? Что будет с Мастером, про которого узнали слишком много людей? Пройдет ли Байсо испытание?

Наталья Бутырская

Идеальный донор. Столица

Глава 1

Взмыленные служки то и дело пробегали по длинным коридорам с горой свитков в руках. Кабинет господина магического министра находился на втором этаже городского дворца, а архив – в соседнем здании, в подвале. Архивариусы постоянно находили новые свитки, разворачивали их, качали головами и говорили: «Здесь тоже есть про Черный район. Быстро, отнеси господину магическому министру». Служки покорно брали охапку и уходили, сопровождаемые криками: «И поосторожнее там, свитки старые!».

Выйдя из кабинета, один служка, мужчина в годах с побелевшими усами, измученно вытер лоб и спросил у другого служки:

– Ты не знаешь, что за паника сегодня? Мы уже столько перетаскали бумаг, что проще было бы перенести кабинет министра в архив.

Тот сощурил глаза:

– Не задавай глупых вопросов. Скажи спасибо, что господина мэра нет, иначе бы нам еще влетело за то, что громко топаем и много разговариваем.

Дверь кабинета распахнулась, и оттуда вышел сам господин магический министр. Оба служки склонили головы, про себя ругая собственную опрометчивость. Это надо же было додуматься – разговаривать прямо под носом Мин Чиня.

– Передайте в архив, что на сегодня достаточно. Но пусть подготовят свитки к завтрашнему дню, и объясните этим идиотам, что меня не интересуют данные старше десяти лет.

– Да, господин магический министр! Слушаемся, господин магический министр! – в один голос сказали служки и, еще раз поклонившись, убежали.

Мин Чинь вернулся за стол, уселся на потертую подушку и махнул рукой. Чтец взял свиток из левой стопки, развернул его и принялся читать вслух:

– В десятый год от начала правления императора Сан Юй Ди по указу наместника императора в городе Цай Хонг Ши решено возвести вторую городскую стену на южной стороне города, дабы отделить жителей от диких обитателей леса. По проекту архитектора Хэ Чао стена эта будет высотой десять метров и длиной тысячу метров. Для ее постройки необходимо...

– В каком году закончили постройку стены? – резко спросил Мин Чинь, потирая виски. Казалось, что в архив вносили все, что когда-либо происходило в городе: от рождения младенца до пропажи камня из мостовой. Каждое действие, хоть чуть-чуть затрагивающее жизнь города, вносилось в отдельный свиток, который в свою очередь вносился в реестр свитков, а затем этот свиток ложился в один

из десятков шкафов архива. И когда Мин Чинь попросил принести ему всю информацию, касающуюся Черного района, он не ожидал столь обширного потока сведений и столь бесполезного.

Неслышно, через заднюю дверь, вошла девушка с подносом, на котором стояли чайник, чашка и два блюдца с любимыми сладостями Мин Чиня. Она плавно опустилась на колени, налила ароматный чай, поклонилась и вышла. Это была младшая дочь Мин Чиня, его гордость и его головная боль.

Министр вдохнул запах чая и улыбнулся, дочь, как всегда, угадала с составом и добавила травы для концентрации ума.

- Стену построили спустя два года, - сказал чтец, пробежав глазами свиток до конца.

- Там есть еще что-то важное?

- Только сведения о денежных затратах на материалы и рабочих. Этот свиток - копия с отчета, отправленного в столицу, с пояснениями о...

- Понятно. Дальше.

Услужливые архивариусы выслали все свитки, где хотя бы раз упоминался Черный район, но спустя несколько часов Мин Чинь понял главное: несмотря на строгий учет и документацию, после постройки стены между Серым и Черным районами городские чиновники вычеркнули этот район. Слово его больше нет. На него не отчислялись средства, никто не знал, какие люди там живут и живут ли вообще, более того, никто не записывал тех, кого выкидывали в Черный район. В результате и сложилась ситуация «города в городе».

С момента вступления в должность Мин Чинь планировал заняться Черным районом, так как ему была неприятна мысль, что он не контролирует какую-то часть своего города. Да, своего, так как Хи Донга министр не воспринимал ни как господина, ни как соперника, относился к нему больше как к удобному инструменту.

Вспыльчивый, хитрый, недальновидный, мэр идеально подходил для силового решения проблем, при этом репутация самого Мин Чиня оставалась безупречной перед императорским советом.

Но текущие проблемы постоянно отвлекали министра, и в результате он получил закономерный результат: в Черном районе завелась своя собственная власть, свой мир, и мальчишка получил, да, по сути, он получил убежище, выскользнув из рук министра.

Мин Чинь взмахнул рукой, чтец поклонился и вышел.

В кабинет снова вошла Мин Лули, поклонилась и опустилась на колени перед столиком отца.

– Ты целый день возишься с этими бумагами, пора бы уже отдохнуть! – встревоженно сказала она.

– Надо закончить с одним важным делом. Принеси мои записи, те, которые помечены цифрой семь. И скажи, чтобы позвали главу стражи Черного района.

– Хорошо, – девушка легко поднялась, сбегала за свитком и ушла.

Сразу после последнего визита сыскаря, который, несмотря на возраст, показал себя довольно умелым, Мин Чинь записал все, что он рассказал про того человека.

«Мастер. Высокий худощавый мужчина, возраст около тридцати пяти лет, длинные черные волосы, глубокий шрам через все лицо, тонкие аристократические кисти рук. Все время ходит в закрытой одежде, поэтому прочих шрамов или родинок разглядеть не получилось. Живет отдельно от остальных, питается тоже отдельно. Лидер с неоспариваемой властью.

По рассказам старожиллов Черного района, пришел со стороны леса примерно три года назад, самостоятельно подняв тяжелую решетку, попросил еды и одежды, так как его штаны и туника были изодраны в клочья. После демонстрации такой силы местные мужчины, подмявшие под себя район, не решились спорить с ним и отдали вещи. Еды у них не было. Мастер удивился и

спросил: „Почему вы не охотитесь? Там много животных и растений, пригодных в пищу.“ Тогда мужчины упали перед ним на колени и взмолились, мол, научи нас охотиться, научи нас понимать лес. Мастер улыбнулся и сказал, что останется здесь и будет помогать до тех пор, пока все жители района не будут сыты и одеты. Дополнение от сыскаря: рассказывала старая бабка, могла много напридумывать и приукрасить.

Основные умения (собраны по слухам, сам сыскарь очевидцем не был):

- высокие боевые навыки: владение мечом, луком, копьем;
- высокие лекарские навыки: знание лекарственных трав и магической медицины;
- высокие организаторские навыки: строгая иерархия, ни одной попытки бунта;
- высокий уровень образования: правильное произношение, литературный слог, никакого акцента или лишних слов.
- высокие магические навыки: создал обучающие тропы при помощи магии, которые пропускают строго определенных животных. Примечание сыскаря: предположительно, в основе троп лежат массивы, так как затраты на поддержание троп невысоки, но точно он сказать не может, так как сам сыскарь тропы не видел, в начертании разбирается поверхностно.»

Минь Чинь задумался. Этот Мастер словно воплощение сказочного героя, который умеет и сражаться, и использовать магию, и петь-танцевать, и цитировать труды древних. Так не бывает. Особенно в таком возрасте.

Судя по правильной речи, это должен быть высокородный человек, которого с детства обучали учителя, и не в какой-то школе, а нанятые специально под него. Но кто из высокородных пропал за последние лет пять? Да еще и с таким приметным шрамом...

С ходу Мин Чинь смог припомнить несколько подходящих имен, но была одна загвоздка – начертание. Ни один гильдейский начертатель не станет утруждать себя развитием боевых навыков, ни одного воина не будет обучать гильдейский

начертатель. Замкнутый круг.

Дверь в кабинет открылась, и вошел узколицый встревоженный мужчина в длинном тонком халате, видимо, его выдернули прямо из дома, не дав переодеться.

– Господин магический министр, вы хотели меня видеть?

Мин Чинь отложил записи и радушно улыбнулся, указывая на место для посетителей:

– Добрый вечер! Я немного заработался и забыл о времени. Надеюсь, я вас не сильно побеспокоил?

– Я всегда готов служить вам, господин магический министр, – нервно поклонился глава стражи Черного района и сел на предложенное место.

– Скажите, ваши люди отвечают за безопасность границы между Серым и Черным районами?

– Верно, господин магический министр, и у нас все спокойно. Никаких происшествий. Бдим и охраняем.

– И как давно нет никаких происшествий?

– Не понял, господин магический министр, – мужчина потел, он то и дело приподнимал руку, чтобы вытереть пот, но потом одергивал себя, боясь показаться невежливым.

Мин Чинь глубоко вдохнул и постарался успокоиться:

– Расскажите мне, как часто были попытки проникновения из Черного района раньше и когда они прекратились.

– А, ну, так года три уже тихо. А раньше чуть ли не каждый месяц били тревогу. То тараном начнут в ворота стучать, то лестницы соорудят, залезут на стену, а вниз-то прыгать неудобно, то еще чего придумают. Понять их можно, еды у них

нет совсем, вот с голодухи и... – мужчина заметил взгляд министра и осекся. – Но это правильно. Нечего всякому отребью рис даром есть.

– Как же они выжили?

– Не знаю, наверное, друг друга ели. Или крыс каких-нибудь, – глава стражи вспотел еще сильнее, и его запах уже достиг носа Мин Чиня. Министр заметно поморщился, вытащил флакон, смочил его содержимым платок и протянул мужчине:

– Вытрите лицо. И как вы тогда объясните, что в Черном районе еще есть живые люди? А по некоторым сведениям вполне сытые и здоровые, – Мин Чинь негромко хлопнул ладонью по столу, от чего его собеседник вздрогнул. – Расскажите все, как есть. Мне сейчас нужна информация, и плевать, если вы что-то там нарушили.

Мужчина быстро вытер лицо и шею, стараясь не затягивать паузу, и ответил:

– Раньше они покупали еду. Есть несколько ходов от них в Серый, о них мало кто знает, но мы стараемся приглядывать за ними. Чтоб приходил только один-два человека, чтоб никакого оружия...

– А на какие деньги они покупали еду? – сузил глаза Мин Чинь. Его способ разговаривать людей работал не хуже, чем люстра Хи Донга. Можно было обойтись и без флакона, но это потребовало бы больше Ки, а министр не любил попусту разбазаривать энергию.

– Ну... – здравомыслие главы стражи боролось с заклинанием министра, но в итоге магия победила, – они продавали смолку и радужный ветерок, а покупали овощи, рис, мясо. Но уже год, как оттуда не приходит ничего подобного.

– Интересно, – протянул Мин Чинь, – но они все еще что-то покупают?

– Да, также берут еду, но меньше, в основном рис и некоторые овощи, ткани покупают, некоторые инструменты, железо...

– Железо?

– Наконечники стрел, острия для копий, еще там по мелочи.

– Вы разрешаете им покупать оружие?

– Так уже три года не было нападений! – воскликнул глава стражи. – И это все для охоты. Стрелы с широкими наконечниками, никаких боевых узких. Они там как-то приспособились к охоте в лесу, иногда приносят и нам дичь.

– С этого дня я запрещаю отправлять людей в Черный район. Только после решения судьи и внесения данных в реестр вы можете вывести их туда. Далее приостановите все торговые сделки с ними, если уж торговля идет, то она должна идти официально. И еще один момент – вы слышали что-нибудь о человеке по прозвищу Мастер из Черного района?

Глава стражи в начале речи вскочил на ноги и кланялся при каждом слове. Затем, услышав слово «Мастер», замер, так до конца и не выпрямившись:

– Господин магический министр! До меня доходили слухи о некоем Мастере, но я думал, это все вранье, его описывают как сына Неба, одаренного всеми талантами.

– Вы свободны. И не забудьте, что я вам сказал.

* * *

Сначала меня столица совсем не впечатлила. Нет, по сравнению с Серым или Синим районом тут все смотрится гораздо богаче и красивее. Высокие глухие каменные заборы, яркие ворота с изображениями диковинных животных, в одном месте я даже заметил голубого дракона, напомнившего мне о переправе через Юхэ, красивые амулеты необычной формы, отливающие закатным солнцем крыши со статуями по углам, дорога, вымощенная квадратными кирпичами так, что повозка катилась ровно и гладко.

Но я же слышал рассказы про Красный и Белый районы, и по слухам там все отделано золотом и мрамором. А здесь ничего особенного: камень и дерево, дерево и камень.

Люди на улицах тоже были обыкновенными. Девушки ходили в длинных ханьфу светлых оттенков, из украшений – только гребни в волосах, мужчины в туниках по колена, свободных, не подвязанных снизу штанах и простой обуви из тонкой кожи.

А где же неземной красоты девушки из богатых семей, которые ходят, не поднимая глаз, а если вдруг взглянут, то сразу увидят какого-нибудь бойкого бедняка и влюбятся в него по уши? А где магические животные, которых держат в плохих условиях и бьют почем зря, чтобы тот же бедный, но справедливый парень мог вступиться, спасти их, а взамен зверь показал бы ему пещеру с драгоценностями? А где толстые богачи, сидящие в паланкинах, у которых дно провисает из-за тяжести? Где переодетые в простолюдинов императорские чиновники, которых можно узнать лишь по благородному виду да умным добрым глазам?

Кажется, я в свое время переслушал старых сказок.

Байсо заорал от восторга и бросился к левому борту повозки, едва не вывалившись. Я посмотрел туда, куда он показывал, и обомлел: там была высокая-превысокая башня, казалось, что она царапает шпилем небо. Брат посчитал крыши башни:

– Девять! Нет, Шен, ты видел? Девять уровней!

Джин Фу покачал головой и сказал:

– Вы не туда смотрите. Там дальше, за башней...

Я перевел взгляд и восхищенно выдохнул одновременно с Байсо. На холме парил великолепный город, уходящий башнями и шпилями в небо. Золото так отливало на солнце, словно частичка его спустилась на землю и разукрасила крыши дворцов.

– Это императорский город, – пояснил Джин Фу. – А вон там лестница девятьсот девяносто девяти ступеней, это самый короткий путь к домам торговцев, поэтому тот холм еще называют торговым.

И я смел жаловаться на невзрачность столицы? Лестница плавно огибала холм так, что ее конец не был виден, по краям широких ступеней стояли столбы с красными фонариками, покачивающимися на ветру, люди, словно муравьи, поднимались и спускались, не обращая внимания на окружающее великолепие.

– Вам нужно прийти сюда вечером, когда начинают светиться эльгмы и зажигаются фонари.словно светящаяся река стекает с неба к нам на землю.

Байсо громко наслаждался видами города, и ничто его не смущало. Он радостно вскрикивал каждый раз, когда мы проезжали мимо очередной диковинки, тыкал рукой во все, что чуть-чуть отличалось от обычного, спрашивал у прохожих, что это за улица, где они купили такие ткани на одежду и как называются эти странные растения без листьев, обвивающие чуть ли не каждый столб в городе.

Я удивленно поглядывал на него. Где же тот хитроумный отважный мальчуган, что переспорил взрослых мужчин на отборе? Сейчас я видел лишь маленького глупенького мальчика лет девяти-десяти, впервые вышедшего из родительского дома.

Чем дальше мы ехали, тем выше поднимались резные крыши из-за стен и богаче становились ворота и амулеты над ними. Наконец повозка остановилась возле традиционно красных широченных ворот, в которые могло бы въехать две повозки бок о бок, над воротами выстроился целый ряд амулетов, один другого сложнее, у меня аж руки зачесались рассмотреть их поближе. Может, Джин Фу потом разрешит мне это сделать?

– Ой, это ваш дом? – восторженно ахнул Байсо. – Такой огромный!!!

Даже Добряк покосился на братишку, не понимая его ребяческого поведения.

Не успел глава охраны спешиться, как ворота распахнулись. Я увидел внутри небольшую площадь, окруженную невысокими деревьями с красиво изогнутыми ветвями. Откуда-то слева выбежала женщина в блестящем одеянии и бросилась к нам.

Тем временем, мы въехали внутрь, и ворота за нами закрылись. Добряк спрыгнул с лупоглаза, отдал повод подбежавшему мужчине и тут же начал его о чем-то спрашивать. Женщина остановилась в двух шагах от Джин Фу и поклонилась, на

ее щеках блестели слезы:

– Дорогой муж, приветствую тебя в твоём доме. Безмерно рада твоему счастливому возвращению.

Джин Фу, опираясь на меня, сошел с повозки и тепло обнял ее:

– Роу, я вернулся, – затем отстранился и посмотрел на нас. – Знакомься, эти ребята теперь будут жить с нами. Это Юсо Шен, мой преемник и ученик, талантливый начертатель и очень серьезный молодой человек. А это его младший брат, Байсо, смывлёный и веселый мальчик, его я вверяю под твою опеку. Надеюсь, вы поладите.

– Рада видеть вас под крышей нашего дома. Меня зовут Джин Роу, можете обращаться ко мне по любому вопросу, – и Роу ласково улыбнулась, отчего у меня защемило сердце. Эта женщина была такой милой, от нее веяло теплом, уютом и домашними лепешками, и я с трудом сдержал слезы, вспомнив о маме. Рядом зашмыгал носом братишка.

– Да, забыл сказать, – добавил Джин Фу, – Шен и Байсо – сироты, и после смерти родителей вынуждены были выживать на улице, без дома, денег и родственников.

– Тогда ты не будешь возражать, если я устрою ребят в восточном доме? Слишком уж долго он пустовал.

Джин Фу кивнул, и Роу взяла нас с Байсо за руки, словно маленьких, и повела по узенькой вымощенной тропинке.

Оказалось, что деревьев в этом дворике было немного, пять или шесть, но они были хитроумно расположены: если смотреть со стороны ворот, то кажется, словно тут растёт целый лес, а на самом деле мы прошли несколько шагов и увидели ещё одни ворота, поменьше.

Роу негромко поясняла:

– Главные ворота – Дамень – хорошо защищены, и если кто-то, у кого нет специального амулета, попытается войти в них или хотя бы приблизится на расстояние шага, то в доме охраны прозвучит сигнал, и при этом активируется дополнительная магическая защита. А это внутренние ворота – Эрмень, которые ведут во внутренний двор и дома.

Мы прошли через вторые ворота и попали словно в другой мир. Там был небольшой прудик, в котором мирно журчала вода и плавали красивые золотистые рыбы, вокруг пруда росли травы и цветы, такие мирные и безопасные. Хаотично стояли статуи в виде необычных животных, некоторые из них были покрыты мхом, отчего казались лишь уютнее. Мне показалось, что одна из статуй напоминает мехохвоста, приготовившегося к атаке: наостренные уши, хвост сложен пополам и прижат к спине.

– Я очень люблю этот пруд и надеюсь, что вы не будете пугать рыб, они за эти года стали совсем ручными, и мне нравится кормить их с руки. Иногда я прихожу поиграть сюда на свирели. Ты любишь музыку, Байсо?

Брат несколько раз кивнул:

– Очень. Я, между прочим, хорошо пою. Мне всегда хлопали. Вот например...

И заорал простонародную песенку:

– Мокры осенни поцелуи,

А зиму любишь ты, дрожа.

Объятья лета изнуряют.

Улыбка же весны све...[1 - «Продажа весны» – так завуалировано называли оказание сексуальных услуг элитными девушками (китайский аналог гейши), а публичные дома, соответственно, назывались «Весенними домами».доп: автор стихов – Polly Lemon]

Я дернулся вперед и зажал ему рот, пока Байсо не сболтнул что-то лишнее.

– Прошу прощения, госпожа, иногда он сам не понимает, что говорит. Байсо, нельзя петь такие песни в приличных домах!

Джин Роу тихонько засмеялась, изящно прикрыв рот ладошкой, затем наклонилась к мальчишке и сказала:

– Ничего, малыш, в следующий раз, когда твой брат будет занят, ты сможешь спеть мне любые песни, какие захочешь. Хотя, конечно, ты должен слушать своего старшего брата и делать то, что он говорит.

Мы остановились в центре двора, на перекрестке двух вымощенных дорожек, упирающихся своими концами в разные дома.

– Впереди, – принялась объяснять госпожа Джин, – Чженфан – дом, где живем мы с мужем, но будет лучше, если вы будете посылать за мной служанку, чтобы не беспокоить случайно Джин Фу. Справа – ваш дом, Сянфан. Обычно в этом доме живет наследник дома со своей семьей, а Байсо, так как еще довольно мал, мог бы жить с нами, но раз у тебя, Шен, пока нет ни жены, ни детей, я предлагаю пожить вам вместе с братом. Вы согласны?

– Конечно. Спасибо вам, тетя Роу, – заулыбался Байсо.

– А почему вы с Шеном так непохожи? У вашего отца было несколько жен? – мягко спросила она. Байсо тут состроил заговорщическую мину и зашептал:

– По правде говоря, мы с Шеном не совсем братья. Я нашел его на помойке умирающим от голода и решил за ним присмотреть, так что это я – его старший брат, и это он должен меня слушаться. Только вы не говорите господину Фу, а то вдруг он меня прогонит.

Джин Роу снова рассмеялась, а потом шепнула в ответ:

– Я никому не скажу, но, боюсь, что мой муж уже давно обо всем догадался.

Только сейчас я понял, что Байсо специально дурачится и ведет себя так, словно еще не проходил церемонию именованья, как и просил его Джин Фу. Хорошо, что мне не нужно никого изображать, достаточно вести себя так же, как обычно.

– Пойдемте, я покажу вам ваш дом.

Восточный дом оказался очень большим. Что и говорить, весь наш с мамой домик легко уместился бы только в центральной комнате, а ведь там было еще четыре спальни, небольшой кабинет и отдельная комната для омовения, где стояла большая каменная чаша, в которую я мог поместиться целиком. В дно чаши был встроены огненный камень, поэтому после того, как служанки натаскают воду, в ней можно было легко поддерживать нужную температуру воды.

Пока госпожа Роу показывала нам комнаты и дом, она успевала раздать и указания девушкам-служанкам. Те постоянно бегали туда-сюда, что-то притаскивая, что-то унося из дома, и я сам не заметил, как дом совершенно преобразился. В моей спальне появился большой матрас и несколько одеял, в комнате омовения из чаши уже поднимался пар, а в центральной комнате вокруг двух столиков были разложены узорчатые подушки, расставлены вазы с цветами и развешаны магические светильники.

– Я вас оставлю ненадолго. Устраивайтесь, обживайтесь, обязательно помойтесь. Вам принесут одежду, а потом вместе будем ужинать. Вы же проголодались, наверное.

Когда она вышла, я повернулся к Байсо:

– Слушай, это Джин Фу тебя попросил...

– Я первый купаться! – выкрикнул брат и выбежал из комнаты. Видимо, даже наедине нам нельзя обсуждать подобные вещи.

Когда госпожа Роу пришла звать нас к ужину, мы уже помылись, переоделись и смиренно сидели за столиками в зале. В новой одежде я чувствовал себя настоящим принцем: мягкие свободные штаны, нижняя рубашка из тонкой ткани, темно-синий ханьфу до колен со свободными рукавами, украшенными витиеватой вышивкой, широкий пояс с внутренними кармашками для амулетов, которые не стоит показывать на публике.

– Вот теперь вы выглядите гораздо лучше, – поприветствовал нас Джин Фу, уже сидевший за столом. Он тоже изменился за эти несколько часов, гладко выбрил голову, переоделся и стал таким величественным и важным. Сейчас я не мог поверить, что такой представительный господин совсем недавно трясся в пыльной повозке вместе с нами. – Накладывайте себе еды и слушайте, что вас

ждет с завтрашнего дня.

- Может, позже? Пусть мальчики поедят, - робко попросила госпожа Роу.

- У нас мало времени. Итак, Шен, сразу после завтрака и до обеда я буду учить тебя основам торгового дела, хорошо, что ты уже умеешь писать. Байсо, ты скоро вырастешь и будешь помогать брату, поэтому ты также должен приходить на мои уроки.

- Но он же совсем маленький...

- Я не буду заставлять его учить все наизусть. Пусть сидит где-нибудь в уголке и запоминает, может, хоть что-то да и останется в его голове. После обеда Шен будет практиковаться в магии, я буду выдавать по 100 Ки в день. Этого хватит?

Я кивнул.

- В это время Байсо будет помогать моей жене по хозяйству, вникать потихоньку в дела дома. После ужина у Шена - тренировка с охранниками. Байсо же будет учиться ездить на лупоглазах и разбираться в амулетах.

- Зачем Шену магия и тренировки? - растерялась госпожа Роу. - Он же начертатель и будущий торговец.

- Дорогая, ты знаешь, в качестве кого я первоначально нанял Шена? В качестве охранника каравана.

Она ахнула.

- У него неплохие задатки не только в торговом деле, и я не буду забрасывать прочие его таланты лишь потому, что лично мне они не нужны. Поэтому я тебя очень прошу: вот этого мальчугана ты можешь баловать, как хочешь, - и Джин Фу посмотрел на Байсо, по уши вымазанного в сладком соусе, - но в воспитание и обучение Шена не вмешивайся.

Глава 2

На следующий день Джин Фу отвел нас в небольшую комнату с двумя столиками. Тушь и листы бумаги тоже были подготовлены. Сам Джин Фу удобно устроился на подушке, подождал, пока мы сядем на свои места, и сказал:

– Для начала хочу сказать, что эта комната полностью защищена от прослушивания, и открыто можно разговаривать только здесь и только во время утренних занятий. Все остальное время вы должны играть свои роли.

Кстати, Байсо, ты отлично держишься, даже мне сложно поверить, что тебе уже двенадцать. Шен, за весь вчерашний вечер ты ни разу не назвал меня учителем. Я понимаю, тебе трудно лгать и притворяться. Поэтому предлагаю принять меня как настоящего учителя, в конце концов, даже если лично я не буду тебя обучать, это будут делать мои люди и по моему приказу, а зачастую отношения учитель-ученик к этому и сводятся.

– Хорошо, учитель, – и на сердце у меня полегчало.

– Утренние занятия я буду проводить специально для Байсо, ты же, Шен, в это время будешь изучать труды по магии и начертанию. Сейчас их еще не подготовили, но уже с завтрашнего дня ты сможешь заниматься самостоятельно. Если у тебя есть какие-то еще пожелания, скажи. Я обещал тебе помощь, и я сдержу слово.

– Я хотел бы еще изучать лекарское дело. И, наверно, магических животных.

– Хорошо. Но не забывай, у тебя не так много времени, и стоит ли расплываться на множество тем? – Джин Фу перевел взгляд на Байсо. – Сегодня я буду говорить для Шена, чтобы он немного разобрался в терминах и не провалился при первой же проверке. Байсо, ты знаешь все это, поэтому ты должен нарисовать несколько рисунков, чем больше, тем лучше. Каждый раз после занятия ты будешь дарить один рисунок моей жене.

– Учитель, – сказал Байсо, – вы не доверяете госпоже Роу?

– Я могу доверить ей жизнь, – усмехнулся Джин Фу, – но не секреты. Она всего лишь женщина и может нечаянно сболтнуть лишнее служанке или родственнице. Именно так и раскрываются важнейшие тайны. Ради ее же блага я оставляю ее в неведении. Кстати, Байсо, для тебя дополнительное задание: через три дня ты должен назвать мне имена всех людей, живущих в этом сыхэуане, сказать, в каком доме они живут, какие у них обязанности, уровень доверия и в какие места им открыт доступ. Дополнительные подробности приветствуются: привычки, где родился, предыдущие места службы и так далее. Понятно?

– Хорошо, учитель, – кивнул Байсо.

– Итак, Шен, самые азы торгового дела...

Байсо, разбрызгивая тушь во все стороны, принялся рисовать, а я пытался удержать в памяти все, что говорил господин Фу:

– Неучи думают, что торговцы – это ненужная прослойка между производителем и покупателем, что мы берем втридорога, не делая ничего, что цены ставим, какие вздумается. На самом деле, это не так. Возьмем самый простой пример: на ферме крестьянин вырастил зерно и теперь хочет его продать. А в городе пекарю нужна мука для выпечки хлеба. Что было бы, если бы не было торговцев?

Крестьянин должен загрузить зерно в повозку, запрячь туда яка и отвезти в город. Для этого ему нужно купить и повозку, и яка и потратить, допустим, месяц на дорогу. И учти, этот месяц он не сможет работать на своих полях. По дороге на него могут напасть разбойники или хищники, может пойти дождь и вымочить зерно, поэтому ему еще нужно нанять охрану и приобрести амулет, защищающий от влаги. Нужна еда в дорогу, одежда, прочие мелочи. И все эти траты он, конечно, закладывает в стоимость зерна. Потом он приезжает в город и ищет, кому бы продать свой товар. Он может стоять на рынке и ждать, пока к нему придут покупатели, может ходить по домам, но в любом случае у него уйдет еще время. Кроме того, он приехал из дальней деревни, и его траты на дорогу были выше, чем у другого крестьянина, поэтому и зерно у него дороже. Пекарю же безразлично, кто откуда привез зерно, он купит там, где дешевле.

Торговцы же берут все проблемы на себя. Они скупают зерно у крестьянина прямо в деревне, и тому не нужно тратить ни деньги, ни время, доставляют его

в город. У торговцев уже есть свои повозки, ездовые животные, охрана, амулеты, у них есть договоренности в городе с покупателями, более того, после скупки зерна в разных деревнях они рассчитают среднюю стоимость и продадут его по одной цене.

Признаться, для меня подобные рассуждения были сложны и непонятны. Но главное я уяснил: торговцы помогают людям. И быть торговцем не менее почетно, чем начертателем или чиновником.

Джин Фу же продолжал:

– Торговец не может поставить любую цену на товар. Она зависит от множества факторов. Первое и самое очевидное – это цена, по которой торговец купил товар, ее еще называют входной ценой.

Второе – расходы на доставку, обработку, охрану и хранение товара. И вот тут есть один очень интересный момент. Затраты на дорогу между двумя городами всегда примерно одинаковы, но если я повезу, допустим, один мешок зерна и потом добавлю затраты к его входной цене, то в городе он будет стоить дороже, чем кристалл на пятьсот Ки. С другой стороны, если я повезу тысячу мешков зерна и распределю дорожные затраты на них, то их цена увеличится лишь чуть-чуть.

Именно поэтому товар у крупных торговых домов дешевле, чем у мелких торговцев. Мы можем возить большие объемы.

Третье – расходы на покупателя. Да, торговцы должны тратить деньги и на них. Я предпочитаю работать с оптовыми покупателями, кто берет сразу большие объемы товара, а сама сделка обговаривается заранее. Но есть и розничные покупатели, для которых нужны лавки, продавцы, склад и прочее, а это дополнительные расходы. Поэтому в рознице цены гораздо выше, чем в опте...

К концу занятия я чувствовал себя так, словно в голову напихали много-много ваты, и сейчас она пыталась вырваться оттуда. Джин Фу в очередной раз перевернул песочные часы и сказал:

– Пожалуй, на сегодня достаточно. Сходите, переоденьтесь к обеду. Байсо, а ты сначала подари рисунок, а потом иди умываться.

Я оглянулся на брата и расхохотался: с ног до головы он был заляпан тушью, а вокруг его рта и вовсе было сплошное черное пятно. Но Байсо лишь гордо вскинул голову:

– Зато какой у меня шикарный речной дракон получился!

Госпожа Роу пришла в восторг от рисунка Байсо, она приказала сделать рамку и повесить его в гостиной. Джин Фу лишь покачал головой, но не стал возражать.

Во время обеда госпожа Роу взяла нас с Байсо под свою опеку:

– Шен, Байсо, попробуйте вот эту рыбу, это форель, выловленная в горных озерах. Есть и речная форель, но у нее не столь нежное мясо. Форель едят обычно вместе с тем белым соусом, именно с ним она раскрывает свой восхитительный вкус.

А справа от нее стоят грибы, советую их есть вместе с рисовой лапшой и вон тем коричневым соусом. Но чтобы во рту вкусы от разных блюд не смешивались, нужно пожевать маринованный имбирь, хотя бы один кусочек.

Она рассказала про каждое блюдо, назвала, из чего оно состоит, с чем его нужно есть. В результате я объелся, запутался в названиях и понял, что совершенно не разбираюсь в еде.

После обеда Джин Фу отвел меня в восточную комнату Чженфана. Она была совершенно пустая, только стены, потолок и пол были расписаны узором, напоминающим массивы. Все печати были соединены между собой, кроме одного места в районе двери.

Учитель взял деревянный брус, вложил в пазы на двери и надавил на него. С небольшим треском он вошел в углубление так, что оказался вровень со стенами.

– Эта комната была подготовлена несколько лет назад для начертателя, который согласился бы со мной работать. После того, как засов поставлен, нужно дорисовать запирающую печать, и комната становится Ки-непроницаема. Ни одно магическое возмущение не выходит наружу. Здесь ты можешь

оттачивать любую магию: от обычных заклинаний до начертания, и даже при помощи амулета магического зрения никто не сможет увидеть, чем ты здесь занимаешься.

Но количество Ки, которое я могу тебе выдать, ограничено. Для твоего таланта сто Ки немного, но я надеюсь, ты сможешь разумно распорядиться этой энергией.

Когда захочешь выйти, просто убери замыкающую печать и надави на брус. Я оставлю песочные часы, после трех оборотов нужно заканчивать.

Я поблагодарил Джин Фу, закрыл за ним дверь, установил брус на место и нарисовал замыкающую печать. Затем попытался воспользоваться амулетом с магическим зрением, но кроме ровного света от массивов, вписанных в стены комнаты, ничего не смог увидеть.

Впрочем, мне стало интересно строение этих самых массивов. Некоторые элементы печатей были знакомы, некоторые – нет, но главное отличие заключалось в том, что рисунок был вытравлен в камне, а не выдолблен и не нарисован поверх. Словно начертатель взял кисть, опустил ее в некое вещество, а затем начал водить по стенам, одновременно вливая Ки, и вместо краски осталась углубленная линия, которая несла смысл, магию. Причем начертатель не был мастером своего дела, так как в некоторых местах кисть проваливалась глубже, словно художник останавливался в задумчивости, размышляя, что рисовать дальше, или сверяться со схемой.

Что будет, если нарисовать такой массив в воздухе? Перекроет ли он доступ Ки ко мне или просто рассыплется? Правда, Мастер запретил мне чертить печати, смысла которых я не понимаю, но тут же закрытая от магии комната! Ничего страшного не может случиться.

Я выделил для себя небольшой участок массива, несколько раз провел по линиям рукой, запоминая порядок и схему рисования, и приступил к начертанию.

Давным-давно, когда я еще был учеником Мастера, было очень сложно рисовать в воздухе круги с непонятными элементами, соотносить стороны, следя за тем, чтобы рука не дрогнула и линии ложились ровно, но потом я понял, что мелкие отклонения не влияют на качество печати. Словно печать сама чувствует свою

структуру и выстраивает ее согласно общему замыслу. Помнится, я тогда даже проверял, насколько сильно можно ошибиться, и выяснил, что если общие очертания печати вырисованы правильно, то чем больше элементов, которые ее составляют, тем больше можно допустить отклонений.

Это немного напоминает написание текста. Можно нарисовать одну черту иероглифа под другим углом или скосить линию, иероглиф все равно будет понятен, особенно если читать его вместе с другими знаками. Но если таких ошибок будет слишком много, то текст станет нечитаемым.

При рисовании четвертой печати я почувствовал усталость, которая с каждой линией усиливалась и усиливалась, но я не хотел бросать массив незаконченным. Еще парочка печатей, и массив будет завершен.

На меня накатил слабость, и правая рука налилась тяжестью, но я закончил пятую печать и приступил к шестой, самой сложной. С телом происходило что-то непонятное: колени подкашивались, в глазах расплывалось, и я начал задыхаться. Причем я спокойно делал вдох, но было ощущение, что в воздухе не хватало самого воздуха, и нужно было вдыхать еще раз и еще, чтобы не потерять сознание.

Очнулся я на полу, судорожно втягивая воздух ртом. Надо открыть дверь и позвать на помощь. Может, я отравился? Может, эта еда только для богачей, а мой живот не приспособлен к всяким соусам, рыбам и сладостям?

Я полз к двери, слабость накатывала волнами, я пережидал ее приступы и двигался дальше, но у двери понял, что не смогу встать, перевернулся на спину и посмотрел на потолок. Наверное, я умираю.

В последние минуты жизни я решил, что должен посмотреть, успел ли закончить массив или нет, медленно поднял руку к амулету и попытался влить в него Ки, но не смог выжать из себя ничего. Может, у меня закончилась Ки? Хотя как у меня может закончиться Ки, я же идеальный донор! И если бы она закончилась, то я бы умер.

И тут до меня дошло. Я полез в карман на поясе, вынул оттуда кристалл на сто Ки, который дал Джин Фу, потянул в себя энергию и почти сразу почувствовал, как силы возвращаются ко мне. Я впитал не меньше сорока единиц, прежде чем

смог встать и открыть дверь.

Джин Фу же прямо сказал мне, что эта комната Ки-непроницаема. До этого я особо не задумывался, откуда во мне столько энергии, но теперь все стало понятно: я беру Ки из окружающей среды, втягиваю ее как воздух. Комната небольшая и к ней перекрыт доступ Ки извне, поэтому когда я рисовал массив, я делал это за счет своей личной Ки и не умер только потому, что отключился.

А массив? Да, я успел его закончить, и сейчас он гордо красовался посередине открытой комнаты. Я спохватился, влил энергию в кристалл и закрыл дверь. Если за мной кто-то следил магическим зрением, то смог заметить много интересного.

Я еще раз осмотрел массив и задумался, как теперь проверить его работу. Так как он, по идее, должен блокировать доступ Ки, то через него не должно быть видно ничего магического. Я нарисовал самый простой массив в противоположном конце комнаты и посмотрел на него через амулет. Интересная ситуация – я видел светящиеся линии блокирующего массива, но не мог разглядеть ничего магического позади него. Даже стена за ним казалась обычной стеной. Значит, я правильно выбрал составляющие его печати.

В дверь постучали.

– Молодой господин, господин Джин просит присоединиться к нему за ужином.

Как долго я был в отключке? Казалось, что прошло не больше пары часов, и я совершенно забыл про песочные часы.

Стол к ужину был накрыт не менее обильно, чем к обеду, Байсо, чисто вымытый и переодетый, весело обсуждал с госпожой Роу какие-то яйца и крупу. Джин Фу внимательно посмотрел на меня:

– Как прошли занятия, Шен?

– Благодарю, учитель, – спокойно ответил я. – Я многое узнал сегодня.

– Ты какой-то бледный, – вмешалась госпожа Роу. – Не перетрудился ли ты? Может, вечером тебе лучше передохнуть? В конце концов, вы только вчера приехали...

– Спасибо, госпожа, за беспокойство, но я согласен с учителем. У меня мало времени и столько всего нужно выучить.

– А знаешь, где я сегодня был? – бесцеремонно влез в разговор Байсо. – Я был на кухне, там столько всего! Я видел яйца перепелок, знаешь, они такие маленькие, что нужно слопать штук сто, чтобы наесться. А еще меня угостили пирожными, такими сладкими, что аж зубы свело от их сладости.

– Роу, – укоризненно сказал Джин Фу, – зачем ты кормишь его в неподходящее время? Испортишь же аппетит ребенку. Вспомни, в трудах Цень Земина сказано: «Все в нашей жизни должно быть размерено: есть время для сна, есть время для пищи, есть время для раздумий. И смешивать их – вносить сумятицу и в разум, и в сердце, и в кровь.»

– Ты сам разрешил мне баловать его. К тому же, посмотри, как он ест.

Байсо и правда подкладывал себе разные вкусные кусочки и с удовольствием ел.

– Ой, нет, так нельзя, – спохватилась госпожа Роу, – эти два блюда нельзя есть одновременно, от этого появляются газы.

И снова начала рассказывать, что с чем нужно есть. Кажется, наука правильного питания еще сложнее, чем торговое дело.

После ужина Джин Фу отправил меня переодеться и захватить копье, затем повел к внутренним воротам, возле которых взял меня за плечо и сказал:

– Тебя будет обучать один из людей Бай Чонгана, я попросил, чтобы тебя как можно быстрее подготовили к боям, но, возможно, будет слишком тяжело. Помни, ты всегда можешь выбрать другой вариант, снизить нагрузку или отказаться вовсе. Если захочешь, то можно заменить бои чем-то другим.

После ворот он убрал руку и прошел в отдельно стоящий дом, в котором, по его словам, жили все охранники, слуги мужского пола, а также там была своя кухня и зал для тренировок.

- После тебя проводит кто-то из охраны.

Джин Фу ушел. Зал был очень просторным, чисто вымытые деревянные полы говорили о том, что тут занимаются босиком, поэтому я разулся, поправил короткую тунику из плотной ткани и шагнул внутрь.

Там находился только один человек, тот самый брыластый мужчина. Он не выглядел опасным ни в караване, ни сейчас. Невысокий, коренастый, с одутловатым лицом и короткими руками, он больше походил на обычного крестьянина, ничего опаснее вил не державшего. В руках у него была палка, даже не посох.

- Сумеешь сделать массив, защищающий только голову? - грубовато спросил он.

Я неуверенно кивнул.

- Тогда делай, да покрепче. Ки есть?

Я снова кивнул и принялся за работу, быстро начертил массив из небольших печатей в районе лица, затем повернулся к брыластому.

- Я не знаю, как можно за один месяц сделать бойца, но приказ Джин Фу должен быть выполнен. Поэтому начнем. Ты можешь защищаться, нападать, убегать, словом, делай, что хочешь. Ограничение только одно...

Я думал, что он скажет что-то вроде «никакой магии» или «не убивать», но он сказал:

- Не выходи из зала. И если ты почувствуешь, что массив вот-вот распадется, скажи «стоп». Не забывай следить за ним.

После этого он напал. Я не успел перехватить копье, не успел встать в стойку, как на меня посыпался град ударов. В грудь, в ногу, в плечо, толчок - удар,

который бы пробил мне висок, был остановлен массивом. Сначала я пытался защищаться, но мужчина с легкостью обходил мои неумелые попытки заблокировать удары, потом с тем же успехом я пытался атаковать. Копье, в руках Шрама летавшее как перышко, сейчас казалось слишком большим и неповоротливым, я даже хотел возмутиться, что у брыластого преимущество, хотя палка явно проигрывает копьё.

Под конец я уже просто бегал по залу, стараясь избежать ударов любой ценой. В тех местах, куда он бил, казалось, остались одни болевые точки, вспыхивавшие огнем при каждом прикосновении.

– Стоп! – закричал я, уже не в силах выдерживать напор. Туника пропиталась потом, и когда я опустил глаза, то удивился, что на ней нет ни пятнышка крови.

– Обновляй массив, – брыластый отступил на шаг. Он ровно дышал, на его лбу не выступило ни капли пота, и лицо не покраснелось. Я оглянулся на песочные часы и неприятно удивился, что не прошло и четверти часа.

В этот раз я не стал спешить с начертанием массива и водил рукой как можно медленнее.

– Шрам – хороший воин, – неожиданно сказал брыластый, – умелый, сильный, быстрый, но он – бык. Его любимые удары – атакующие, даже когда он защищается, то блокирует и сразу атакует. Ты не бык, ты не любишь атаковать. Тебе не подходит стиль борьбы Шрама.

Швабра – отличный воин. Умный, обученный, гибкий, он – змеелов. Он умеет нападать, умеет защищаться, но чаще идет на перехват, вливается в движения врага, а потом сбивает его с ног. Его техника оттачивалась годами, такие, как он, берут в руки посох сразу после первого шага. Он сражается, как дышит. Тебе не подходит стиль Швабры.

Как я ни старался затянуть с массивом, он все же был окончен. Брыластый заметил это, мгновенно приблизился и нанес первый удар – в грудь, а затем я сделал кое-что неожиданное для себя – отскочил в сторону и поджал ногу.

Мужчина отступил и кивнул:

– Значит, у тебя тело умнее, чем голова. Хорошо. Будет проще вбить основы. Все это время я бил в одни и те же места, в одном и том же порядке: грудь, нога, плечо, голова. Если бы ты заметил это и запомнил порядок, то строил бы защиту исходя из этого, но тело запомнило быстрее и попыталось убежать. Сейчас я продолжу те же удары.

Брыластый на самом деле бил одинаково, всего четыре удара, и как я упустил это? Так испугался боли, что перестал соображать?

После множества неудачных попыток я все же подобрал наилучший порядок движений для блокирования палки. Шаг назад, поместить копьё горизонтально перед собой, держа обеими руками, дальше шаг в сторону, пятка копья опускается вниз, сбивая удар в ногу, затем шаг вперед и резкий толчок, отбивающий удар в плечо, затем наклониться, избегая удара в висок.

Брыластый снова отступил:

– Запомни, ты слаб. Твои руки слабы, твои ноги слабы, твой живот слаб, твоя спина слаба. Ты не выдержишь ни одного настоящего боя. Тебе нельзя блокировать прямые удары, лучше научись уклоняться от них.

Я недоуменно сдвинул брови, вроде бы у меня все неплохо начало получаться. Но он не стал больше ничего говорить, а лишь нанес первый удар из цепочки. Я привычно подставил копьё и... его выбило у меня из рук так, что пальцы заныли.

Подняв копьё, я встал в стойку, брыластый ударил второй раз – по ноге. В этот раз я удержал копьё, но оно с размаху впечаталось мне в ногу, отчего я откровенно взвыл.

– Я понял, понял, – взмолился я, но мужчина снова взмахнул палкой, и я, не пытаясь блокировать удар, отшатнулся в сторону, а затем сразу присел, пропуская последний удар из цепочки.

– Хорошо, – сказал брыластый. – Так мы и будем заниматься. Учти, я в любой момент могу поменять порядок и количество ударов. Пока ты можешь блокировать удары, но лучше, чтобы ты умел и то, и другое.

Это продолжалось бесконечно долго. Страшнее всего было тогда, когда я понимал, что цепочка сменилась, потому что это означало несколько минут избиения. И самым приятным оказался момент, когда послышался голос Добряка:

– Хватит.

Это было в середине цепочки из девяти ударов, самой длинной за сегодняшний день, и я уже готов был разрыдаться от собственного бессилия.

Брыластый сразу же остановился, положил палку возле стены и вышел, не попрощавшись. Добряк усмехнулся, затем кивнул:

– Идем, тебе нужно к лекарю.

Глава 3

Из городского дворца Мин Чинь выехал, соблюдая полный церемониал, в торжественном красном ханьфу с золотой нитью по вороту, означающую его службу императору, туфлях с загнутыми наверх носками и высокой шапочкой – символ государственного чиновника. Министр сидел в парадном паланкине, оббитом атласом, и его охранял лян (двадцать пять) лучших воинов в полном облачении, вплоть до кожаных доспехов с защитными массивами и боевых амулетов.

Белый и Красный районы он проехал спокойно, а вот в Синем вокруг данной процессии начал собираться народ. Люди перешептывались, обсуждая стражников, которые разительно отличались от местных, стоимость ткани на паланкине и причины, вытащившие министра из дворца. Вскоре в общем гомоне послышался смех, дерзкие стишки и даже песенки. Мин Чинь поморщился: снова эти студенты.

Министр не совсем понимал, зачем вообще нужен университет в этом провинциальном городе? Преподавали там люди, которым не хватило квалификации и ума устроиться личными учителями в Белом и Красном районах,

а значит, и уровень знаний там низкий. Не сравнить со столичными университетами, где должность преподавателя гораздо выше. Мин Чинь до сих пор с уважением вспоминал своих многочисленных учителей.

Впрочем, министр не презирал людей из низших районов. Это не их вина, что им не хватило удачи родиться у достойных родителей или получить хороший талант. Вот его дочь, Мин Лули, сумела выбрать правильную семью, хоть у нее и был врожденный порок...

Мин Чинь помотал головой, стараясь прогнать из головы мысли о недостатке дочери. Всего у министра было трое детей, двое старших уже закончили университет и отправились строить свои карьеры в разные города, и хотя Мин Чинь гордился их успехами, но из всех детей больше всего он любил младшую дочь. Может, потому что она была младшенькая, а может, потому что он больше возился с ней, пока искал умелого лекаря, пока следил за ее лечением, пока радовался ее первым маленьким успехам. Зато сейчас какая она красавица! С виду и не скажешь, что были какие-то проблемы.

Снаружи шум усилился. Процессия пересекла границу с Серым районом, а там люди были попроще, чем в Синем. Они громко спрашивали, кто это едет и зачем. Мин Чинь усмехнулся: эти неучи даже не могли распознать знаки магического министра на паланкине.

Возле ворот Черного района уже ждал глава стражи в полном обмундировании, с мечом и даже щитом в руках. Он низко поклонился закрытому паланкину, затем дал отмашку, чтобы его люди открыли ворота, а сам спросил, не нужно ли дать еще людей, на всякий случай.

Но командир ляна Ло Дей гордо ответил, что его люди справятся с любыми неприятностями.

Мин Чинь откинулся на подушки и снова прокрутил в голове описание Мастера. К сожалению, за эти два дня он так и не смог понять, кто прячется под этой личиной. Некоторые подходили по умениям, но были гораздо старше, некоторые подходили по внешности, но у них отсутствовал какой-то навык из списка. А некоторые и вовсе считались умершими.

– Эй, ты! Иди сюда! – слышался голос Ло Дея. – Поймайте ее!

Топот ног, шум, резкое бряцание, крик:

- Это магия! Держи ее!

- На колени, девчонка, или ты не узнаешь паланкин господина магического министра? Он второй человек в этом городе, и ты должна ему поклониться!

- Я не девчонка! Меня зовут Пинь, - раздался звонкий детский голос. - Свою церемонию именованья я проходила здесь, в Черном районе. Моего имени нет в списках вашего города. А если Пинь не существует для министра, то и министр не существует для Пинь.

Мин Чинь не смог удержаться и поднял занавес паланкина, желая взглянуть на дерзкую девчонку, которая так лихо управляется со словами.

На коленях между двумя рослыми стражниками стояла маленькая худенькая девочка с круглыми щечками. На ее бледном лице выступили капли пота, но глаза так и сверкали от ярости, словно до этого ее еще ни разу не ставили на колени.

Министр сделал знак, чтобы девочку отпустили, но она не убежала, а лишь встала на ноги и уставилась на самого Мин Чиня.

- Девочка, - начал было министр.

- Меня зовут Пинь. И я уже вам представилась.

- Хорошо, Пинь. Меня зовут Мин Чинь, и я магический министр этого города. Понимаешь, что это значит?

- Что вы отвечаете за магию в городе за стеной?

- Правильно. Я приехал в гости к человеку, который называет себя Мастером. Можешь сказать, где его найти?

– Хмм, – протянула девочка, сводя выгоревшие брови, – лиса, собираясь в гости, тоже наряжается в красную блестящую шкурку, но у нее хватает ума спрятать когти и клыки, – и Пинь ткнула пальцем в стражников.

– Ха-ха-ха, какая интересная девочка, – хотя Пинь совершенно не походила на дочь министра, ведь Лули была хорошо воспитана, вежлива и послушна, но характер дикарки не уступал характеру Лули. – Может, ты не знаешь, но согласно правилам этикета хозяин дома должен выйти и поприветствовать своих гостей.

– Может, я и не знаю этикета, но уверена, что гости должны предупреждать хозяина о своем приходе.

– Пинь, ты ведешь себя невежливо. Это на самом деле долгожданные гости, только они немного задержались в дороге.

Мин Чинь поднял глаза и увидел высокого статного мужчину с длинными волосами, заплетенными в косу, выступившего из-за угла дома. Глубокий безобразный шрам перечеркивал изящные черты, не давая разглядеть само лицо. Но министр словно окаменел после первого же взгляда на этого человека. Как? Не может быть! Откуда здесь?

Стражники схватились за оружие, но мужчина со шрамом стоял на месте, не двигаясь, а в руках у него не было ни оружия, ни амулетов. Рядом с паланкином завозился маг, вытащил амулет магического зрения и направил его на Мастера. Мин Чинь же раздраженно подумал, что если бы его и впрямь атаковали заклинанием, то смотреть через амулет было бы уже бессмысленно. Впрочем, благодаря бездарным действиям мага министр смог немного прийти в себя.

– Выражаю мое уважение Мастеру и радость от лицезрения его воочию, – мысли Мин Чиня спутались, и он напрочь позабыл речь, которую подготовил заранее. – Я пришел обсудить с вами некоторые важные вопросы. Не могли бы мы поговорить в другом месте, без лишних ушей?

Мастер едва заметно улыбнулся:

– Вы правы, тут действительно слишком много ушей. Хотя большая их часть принадлежит вам. Может, вам стоит отослать свои лишние уши?

Министр покраснел от стыда, сообразив, что это именно он притащил на встречу столько людей, а Мастер встретил его один, если не считать девчонку.

– Впрочем, согласно правилам этикета, я должен предложить вам чай. Прошу следовать за мной.

Мастер спокойно повернулся спиной к вооруженным солдатам, взял подбежавшую Пинь за руку и неторопливо направился по дороге между домами. Министр сделал знак следовать за ним.

Но вот что было странно: обычно, сидя в паланкине, Мин Чинь ощущал себя солиднее и значительнее, но сейчас, смотря в спину уходящего мужчины в строгом черном ханьфу, министр вдруг почувствовал себя калекой, не способным передвигаться самостоятельно. Он остановил паланкин и, приподнимая полы тяжелого одеяния, пошел за Мастером пешком.

«Не удивительно, что весь Черный район беспрекословно слушается этого человека. Он способен влиять на людей без слов, одним лишь своим присутствием» – думал министр.

Мастер привел их к небольшому дому, ничем не отличавшемуся от других домов на этой улице, остановился и обратился к Мин Чиню:

– К сожалению, мой дом не настолько велик, чтобы вместить всех сразу. Там всего одна комната, но она в вашем распоряжении, – затем тихо сказал Пинь. – Займись чаем, пожалуйста.

Девочка кивнула, от чего ее щеки подскочили на месте, и шмыгнула в дом.

Мин Чинь бросил несколько слов сопровождающим и, наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку, вошел вслед за Мастером. Он не опасался нападения: на шее, касаясь кожи, висел сигнальный амулет, и кроме того, министр владел заклинанием связи и мог в любой момент послать сообщение магу, оставшемуся возле охраны.

Напротив, чиновнику было любопытно посмотреть на место, где последние три года проживал этот легендарный человек. Ведь дом обычно несет отпечаток

характера своего владельца, незначительные мелочи в обстановке могут рассказать о человеке гораздо больше, чем он сам.

Но, войдя внутрь, Мин Чинь подумал, что тут какая-то ошибка. Невозможно, чтобы Мастер прожил тут три года. Или год. Или хотя бы день. Потому что в комнате не было абсолютно ничего. То есть там стоял стол с грубыми деревянными скамьями, в левом углу горел открытый огонь, от чего министр мысленно поежился, и все. Ни личных вещей, ни изречений на стене, ни забытого свитка в углу.

Мастер сел на лавку и сделал приглашающий жест. Девочка поставила на огонь небольшой котелок с водой, покидала туда какие-то незнакомые Мин Чиню травы и, пока вода не закипела, принялась ставить на стол грубоватые глиняные кружки.

– Я прошу прощения за вторжение на вашу территорию. Так как вы здесь главный, я хочу обсудить с вами, как лучше снова встроить Черный район в структуру города, – вежливо, но твердо начал Мин Чинь.

– Что значит – встроить его в структуру города? Снова открыть префектуры, посадить чиновников, пригнать солдат?

– Позвать торговцев, открыть лавки, дать людям доступ к школам и лекарям.

– И как долго продлится ваша щедрость? До следующей волны? – приподнял бровь мужчина. – В прошлый раз вы вывезли чиновников и солдат заранее, забрав с собой даже архивы, а потом закрыли ворота, не обращая внимания на вопли людей снаружи. Где гарантии, что такое больше не повторится?

Мин Чинь сглотнул, таких подробностей он не знал. Предыдущая волна была лет десять назад, задолго до его приезда в этот город. В общих чертах он ознакомился с историей Цай Хонг Ши, запомнил признаки приближения волны зверей, но о том, как поступили с Черным районом, он не читал.

– Кроме того, помимо таких детей, как Пинь, которые прошли церемонию именованья здесь, в Черном районе также живут люди, которых просто вышвырнули из города, без суда, без подписанного решения и без внесения в списки выбывших. Если город придет сюда, их обяжут сдать налог Ки за все

прошедшие месяцы? Как вы поступите: будете забирать каждый месяц по двадцать Ки или попытаете истребовать весь долг за раз? – Мастер замолчал, пережидая, пока Пинь не разольет густо пахнувший отвар по кружкам, а затем сказал. – Я запрещаю вам входить на мою территорию.

Мин Чинь понюхал отвар, тот пах незнакомо, но вполне приятно. Министр подождал, пока Мастер не сделает глоток, немного отпил из своей кружки и сказал:

– Вы же понимаете, что мой визит – это просто дань вежливости человеку, сумевшему подчинить целый район. Мы можем просто ввести войска и захватить его.

Мастер спокойно посмотрел в глаза Мин Чиню и четко произнес:

– Вы же знаете, кто я. Вы всерьез угрожаете войсками мне?

По спине министра пробежали холодные мурашки. Как бы он не пытался убедить себя в том, что он ошибся, что это не может быть тот самый человек, но все совпадало. Каждый навык, каждое умение, возраст, внешний вид... Этот профиль он не смог бы забыть. Только шрам выбивался из общей картины. Как? Тот человек же был хорошим лекарем, и подобные порезы мог лечить, даже не задумываясь. Может, после получения раны он долго лежал без сознания, а какие-нибудь коновалы прикладывали к его лицу бесполезные травки? Или вообще не пытались лечить.

Но если это на самом деле тот самый человек, то угроза Мин Чиня выглядит просто смехотворно.

– Насколько я знаю, вы ведете постоянную торговлю с другими районами.

– Верно. И вы перекрыли доступ к ней.

– Вы правы, угрожать вам войной бессмысленно. Блокада будет гораздо дешевле, проще и надежнее. Сколько вы продержитесь без оружия, инструментов и круп?

– Пустая деревня, – только и ответил Мастер, скрестив руки на груди.

У Мин Чиня дернулся глаз. Как он мог забыть про тот случай, когда войска его страны сумели уничтожить защитный массив возле дороги, ведущей в отдаленную деревню, а заодно разрушили и саму дорогу. Жители деревни были съедены хищными зверями, птицами и растениями из леса, и когда туда подошел этот человек со своими людьми, то увидел лишь пустую деревню. Путь к основным военным силам для него был перекрыт вражескими войсками, и он вынужден был выживать в деревне без защиты от леса, без продуктов, без доступа к обозам, без пополнения запасов Ки. И он выжил. Отряд того человека продержался более трех месяцев до подхода армии, потеряв всего пятьдесят человек из пятиста. Десять процентов!!! Кто еще смог бы повторить такой трюк?

– Вам нечего мне предложить, вы не можете меня заставить. Полагаю, это тупик, – сказал Мастер. – Впрочем, я все же сделаю вам подарок, чтобы вы не возвращались с пустыми руками. Вы знали, что у стен вашего города уже полтора года бродит двуххвостая лисица?

Мин Чинь побледнел, дрожащей рукой поднес кружку и махом допил горьковатую жидкость.

– Вы уверены? Уже полтора года?

– Верно. Я лично ее видел, – Мастер поднялся из-за стола. – Полагаю, вам стоит поторопиться обратно.

– Спасибо, – невпопад ответил Мин Чинь и, путаясь в полах церемониального ханьфу, вышел из дома и потребовал, чтобы его срочно доставили обратно во дворец. Времени до следующей волны оставалось не так много...

Министр сидел в паланкине за закрытыми занавесями и нервно дергал золотые нити, не замечая, как приводит дорогую одежду в негодность.

В свое время Мин Чинь искренне восхищался этим человеком, но не как гениальным военачальником или умелым бойцом, а как чиновником, кто сумел поставить на колени могущественную гильдию, гильдию начертателей. Как простолудином, который смог войти в императорский дворец и повлиять на порядок престолонаследия. Как ученым и талантливым магом, который внедрил

широкое использование магии в военных действиях.

Как он сумел выжить? Согласно слухам и донесениям, в последние годы жизни он сильно беспокоился за безопасность своей семьи, переехал куда-то за город, скупил огромное количество энергии. Но однажды он пропал, и когда принц Гуоджи встревожился и лично приехал навестить своего друга, то обнаружил лишь разлагающиеся трупы его родственников, слуг, домашних животных. Там не было только тела самого Вейшенга.

Ходили слухи, что вся территория деревни была покрыта огромным количеством сложнейших массивов, но даже такая система безопасности не защитила их. Они все умерли от мгновенного высасывания Ки. Министр, как и многие другие, подумал, что это была направленная против Вейшенга акция от страны Коронованного журавля. В конце концов, именно родина Мин Чиня впервые применила на войне запрещенные амулеты, забирающие Ки. И выбрав столь необычный метод убийства, она почти что открыто признала это.

Тут Мин Чиня осенило. Видимо, самого Вейшенга выманили наружу и там напали. Оттуда и этот шрам. Возможно, под длинной одеждой, закрывающей все, кроме лица и кистей рук, у него подобных ран множество. Почему тогда он выжил?

Либо его посчитали мертвым и бросили его тело, либо он сам из последних сил сумел вырваться и скрыться. А зная его характер, Мин Чинь склонялся больше ко второму варианту. Скорее всего, у Вейшенга Ки была на пределе, и он не смог вылечить свои раны, либо потратил энергию на лечение более серьезных травм, а порез на лице посчитал незначительным ранением.

Опять же по слухам, Вейшенг был очень привязан к своей семье, и было бы закономерно, если бы он решил отомстить своим обидчикам. Тогда что же он забыл в этом провинциальном городе? Зачем потратил три года на кучку бесталанных людей?

Неужели? Мин Чинь похолодел от ужаса. Неужели он пришел мстить Хи Донгу? Сам министр никогда не ввязывался в столь бессмысленное занятие, как война, но Хи Донг в прошлом был военным, его убрали из армии за излишнюю жестокость и назначили на пост мэра далекого городишки.

Мин Чинь в свое время изучил прошлое Хи Донга, и по бумагам тот никогда не покидал пределы страны, но министр и сам бы так сделал, если бы замышлял подобную акцию глубоко в сердце другой страны: назначил исполнителей, дал им нужные средства и замел все следы, чтобы при провале сделать непонимающий вид и потыкать в записи, мол, ничего не знаю, я ничего подобного не приказывал.

Значит, Хи Донг...

Но почему же Фа не напал, не убил его сразу? С его талантом и умениями вся городская стража не стала бы ему помехой. У Хи Донга нет семьи, и все, что у него есть – это его должность и подвластный город. Скорее всего, Мастер планировал уничтожить карьеру Хи Донга, дискредитировать его перед лицом императора, и восставший против власти район – неплохое начало.

«Нужно бежать из города», – подумал министр и сразу же понял, что это верное решение. Бросить карьеру, дорогую утварь, бесценные свитки, дом, взять лишь деньги, кристаллы и Лули. Вот только нельзя уезжать сразу, ни с того ни с сего. Лучше дождаться хорошего предложения, в идеале полететь куда-нибудь по распоряжению мэра и не вернуться, в таком случае у Мин Чиня будет достаточно времени для того, чтобы затеряться.

Эх, жаль, что того парня так и не поймали. Если бы у министра был рядом идеальный донор, то и деньги были бы не нужны. Мин Чинь не стал бы его связывать или держать в плену, напротив, попытался бы подружиться с ним, в конце концов, он еще совсем ребенок. Более того, его можно было бы женить на Лули! Возраст у них примерно одинаковый, а если их дети сумеют унаследовать талант матери и Ки отца, то сам Вейшенг не будет им ровней.

Но это всего лишь мечты. А сейчас нужно позаботиться о том, что сказал Мастер.

Согласно наблюдениям и записям появление магической лисицы всегда означает скорую волну, когда животные, птицы, растения, насекомые словно сходят с ума и пытаются уничтожить ближайший город любой ценой. И чем больше хвостов, тем крупнее будет волна, но, с другой стороны, тем больше времени для подготовки у людей.

Раньше, пока люди еще не поняли эту закономерность, случались разные ситуации. Например, в летописях страны описан случай, когда перед простым крестьянином появилась пятихвостая лисица, убила всю его семью и убежала. Крестьянин потратил две недели, пытаясь пробиться к мэру того города, чтобы предупредить о волне. В спешном порядке туда со всей страны согнали огромную армию воинов, магов, начертателей и целых два года охраняли город, но волна все никак не шла.

Крестьянина обвинили в лжесвидетельстве, в намеренном вредительстве и казнили. А спустя три года пришла волна и стерла город. Полностью.

Если двуххвостая лиса появилась впервые полтора года назад, то волна нахлынет на Цай Хонг Ши самое меньшее через два месяца, а самое большее – через шесть. А, значит, нужно готовить войска, идти на поклон к гильдии начертателей, напитать защитные массивы и перевести город в военное положение.

Согласно указу императора, с волной двуххвостой лисы город обязан справляться своими силами, и лишь после появления треххвостой лисы можно позвать на помощь.

Паланкин опустился на ступени дворца. Мин вышел, уже собранный и строгий, только разодранные в лохмы рукава показывали его недавнее состояние.

– Срочно! Собрать малый совет. Присутствовать обязаны все. Если будут отговариваться болезнями, делами или чем-то еще, арестовывай и веди в зал как есть. Город закрыть: въезд разрешен, выезд запрещен. Для всех. Все пропуска аннулируются.

– А как же караваны? – растерянно спросил служка.

– Выезд запрещен для всех!

На следующий день в защищенной комнате Джин Фу указал мне на плетеный короб со свитками, а сам сел рядом с Байсо и начал обсуждать с ним сложные торговые темы. До меня долетали фразы «товар с высокой оборачиваемостью», «нельзя игнорировать ликвидность» и «существуют также залоговые сделки», но потом я развернул свитки и перестал слышать и замечать что-либо вокруг.

Первый свиток был понятен даже такому неучу, как я. Там рассказывалось про способы почувствовать Ки внутри себя, концентрировать ее в определенной точке своего тела, начиная с точки между бровей, говорилось, как определять затраты Ки на одно заклинание из расчета таланта и многое другое. Хотя я многое уже умел и так, но это было интуитивно, поэтому я хотел теперь понять то, что я умел. Перевести с телесного уровня на уровень осознания.

Во втором свитке давались базовые заклинания: холод, очистка воды, крепеж и другие. Как раз то, что проходят в школах: небольшой расход энергии, простота, повседневная нужда. Кое-что я знал, кое-что нет. Мама не разрешала мне использовать магию в бытовых целях, даже в огненный камень она вливала Ки сама.

Я замер с развернутым свитком в руке. А что, если мама не знала, что я идеальный донор? Да, она просила меня не продавать Ки, но, может, это не из-за опасений, что меня обнаружат, а потому что человек с семеркой на плече и обычной скоростью восстановления энергии не смог бы выжить после таких крупных разовых затрат. По крайней мере, с нашим достатком, ведь у нас даже пустого кристалла не было, не говоря уже о самих запасах Ки. Да и как бы она могла узнать? Для этого нужно либо запустить заклинание, на которое у меня не хватало разового объема, либо влить куда-то много Ки, что без кристалла также проблематично. И если бы я нарушил мамин запрет раньше и продал бы Ки раньше, то она опять-таки смогла бы выжить.

Я усмехнулся. Оказывается, существовало множество путей, на которых мама не умирала, и они были доступны и тогда, с моими прошлыми умениями и знаниями. Просто я предпочел смотреть на ее медленное угасание и оправдываться тем, что я ничего не мог сделать. Словно ту печать с семеркой поставили мне не на плечо, а прямо в душу.

Байсо, будучи младше меня, смог проникнуть в Черный район, начать торговлю смолкой, обратить на себя внимание Мастера. Без всяких сказочных способностей он сам проторил себе путь в жизни. Даже учеником Джин Фу он

стал потому, что не сидел спокойно среди зрителей во время отбора, а активно вмешивался в разговоры, вступался за меня и действовал. Байсо всегда выбирал действовать, а не сидеть и пускать сопли из-за собственной никчемности или жалости.

А я? Я же шел по тому пути, что прокладывали для меня другие. Сначала мама с чрезмерной жалостью и заботой обо мне. Потом Мастер. В караване – сама дорога. Сейчас Джин Фу.

И я поклялся себе, что после того, как сыграю последнюю отведенную мне роль – роль наследника, больше не буду ходить по чужим тропам. Пора уже прокладывать свою. И те знания и умения, что так щедро дает мне Джин Фу, я должен взять полностью.

Свиток за свитком я изучал основы магии, заучивал заклинания, переписывал их для отработки в Ки-непроницаемой комнате. Свитки с начертанием я отложил пока в сторону, сначала я должен догнать обычных подростков по знаниям, а потом усиливать то, в чем и так их опережал. Я так закопался, что Джин Фу дважды меня окликнул, прежде чем я оторвал взгляд от исчерканного записями листка.

– Шен, на сегодня все. Пора переодеться к обеду.

– Учитель Джин, – наклонил я голову, – это все свитки по магии, что у вас есть?

– Нет, здесь только начала магии, – с интересом посмотрел на меня бритый торговец. – Есть какие-то пожелания?

– Учитель, если просьба вашего ученика не покажется слишком дерзкой или непочтительной, он хотел бы получить больше свитков по магии, а также по истории магии.

– А как же начертание? Ты не планируешь им больше заниматься?

– Если ваш ученик хочет поступить в университет, то он должен знать все то, что знают и остальные.

– Ты ошибаешься, – неожиданно сказал Джин Фу. – Я скажу, чтобы тебе подготовили информацию по основным университетам столицы.

– Благодарю, учитель.

Когда дверь открылась, Байсо, успевший за время нашего разговора испачкать себя и одежду не меньше, чем вчера, схватил заранее подготовленный рисунок и помчался на выход, крича:

– Госпожа Роу, смотрите, какого огнеплюя я нарисовал! Я его совсем рядышком видел!

После обеда я учился применять магию, конечно, с использованием кристалла. Впрочем, с моим талантом по-другому бы и не вышло, ведь даже на заклинание в семь магических единиц у меня уходило сто единиц Ки. Поэтому я запускал заклинание, оценивал его силу, сложность и качество исполнения по показателям, что были указаны в свитках, затем открывал дверь, напITYвал кристалл, закрывал дверь и снова пробовал заклинания.

Больше всего я устал от постоянного вытаскивания бруса, перекрывающего вход, и с ужасом думал о предстоящих занятиях с брыластым.

Вчера, сразу после тренировки, Добряк отвел меня к лекарю, это был довольно молодой, не старше тридцати лет, мужчина с аккуратными усиками и коротко постриженной бородой, которые придавали ему солидности. Его звали Тэн Донг, но Добряк обратился к нему как Тэн-ишэн (и-шэн – вежливое обращение к врачу).

Лекарь попросил меня снять тунику и осмотрел плечи и грудь, уже покрытые красно-синими пятнами, его взгляд зацепился за цифры на моем плече, и он не смог удержаться:

– Эта татуировка что-то означает? Или ты ее ради баловства сделал?

– В моем родном городе такую татуировку делают всем, дожившим до десяти лет, она показывает магический талант.

Тэн-ишэн искренне удивился:

– Правда? Где-то еще сохранился этот варварский обычай? Кажется, он был отменен еще лет сто назад. Хотя это не мое дело. Смотри, синяки и ушибы я сейчас вылечу, но у тебя треснуло одно ребро, на его лечение потребуется время. Ты сможешь посидеть здесь час-полтора?

– Конечно. А как вы это узнали? Про ребро, – любопытствовал я. – И как лечат синяки? Их же не надо зашивать.

Тэн-ишэн начал растирать какие-то травы и вмешивать их в густую вязкую жижу:

– По-настоящему ни один лекарь не может вылечить человека. Только сам человек может вылечить себя, а мы лишь подталкиваем его в нужную сторону. Любой порез может зарости сам, а мы убираем оттуда грязь, которая может этому помешать, и помогаем немного ускорить застывание. С синяками, по сути, то же самое. Через несколько дней они бы прошли и сами, но я могу ускорить этот процесс, направлю силы твоего тела на их рассасывание.

– И так с любой болезнью или раной?

Он взбил массу до состояния масла, только бурого и резко пахнущего, и принялся втирать его в то место, где, как я понял, и было больное ребро.

– И да, и нет. Я могу ускорить заживление любой раны, но не всегда это полезно. Ушибы – это совсем небольшие травмы, которые затрагивают в основном кожу и верхний слой мышц, и для их лечения потребуется не так много сил твоего тела. И после него ты будешь испытывать легкий голод и небольшую усталость. Если бы это был перелом ноги, который без магии вылечивается за два-три месяца, то при ускорении ты мог бы оказаться на грани смерти от истощения. И это только при ранениях, – он закончил меня мазать и прижал руку к тому месту. Я чувствовал, как глубоко под кожей разгорается пожар, но при этом ощущал и легкий холодок, идущий извне.

– В случае болезней все еще сложнее. Во-первых, болезнь редко находят в самом начале, и к лекарю обычно обращаются, когда больной уже изнурен борьбой, а во-вторых, болезни довольно коварны, они могут давать рождение другим болезням, могут разрушить что-то внутри человека или превратиться во что-то иное. И если просто ускорить лечение, то человек легко может умереть. Поэтому

при болезнях мы стараемся понять причины, дать телу побольше сил и средств для борьбы, поим полезными отварами и делаем иглоукалывания.

– А сложно ускорять лечение? Это какое-то заклинание? Много энергии требует?

Тэн-ишэн убрал руку, отошел в сторону и сел, с улыбкой глядя на меня:

– Синяки я тебе убрал, но учти, хоть сейчас не осталось никаких следов, но тело помнит те места, где они были. И какое-то время ты еще можешь чувствовать небольшую боль. Лечить ребро я буду в несколько приемов, чтобы убедиться, что оно срослось верно, – и он повернул небольшие песочные часы. – Ускорять не сложно, это заклинание, и при этом не самое энергоемкое, но тут важна точность. Вообще лекарское дело – это больше знания, чем магия. Я могу объяснить тебе основы.

– А почему вы так легко мне все рассказываете? Разве это не секрет? – насторожился я.

– Нет, – рассмеялся Тэн-ишэн. – У лекарей нет гильдии и нет секретов, которые надо хранить. И господин Джин Фу приказал мне отвечать на любые твои вопросы. Я так понимаю, что приходишь ты будешь каждый вечер, верно?

Ребро срослось идеально. По словам Тэн-ишэна, я должен был понять, что что-то не в порядке из-за боли в груди при наклонах и дыхании, но после тренировки у меня болело вообще все, и я не смог выделить боль от треснувшего ребра среди всего остального.

На вторую тренировку с брыластым я шел как на казнь. Я чувствовал, как у меня тряслись колени и сдавливало в груди от страха. Мысленно я придумывал речь для Джин Фу, в которой объяснял, почему не могу больше учиться боевым искусствам. Там было много слов про предназначение, что мне больше нравится лечить, а не убивать, что начертателю не нужно так сильно напрягаться, и что лучше всего бы мне подошел стиль Швабры, где нужно лишь повторять движения учителя. Но несмотря на это, я все же шел туда.

Перед внутренними воротами уже стоял Добряк, который и привел меня к тренировочному залу. Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и, ничего не сказав, ушел.

Мне оставалось сделать лишь несколько шагов, но меня охватил панический страх. Странно, даже в сражении с огнеплюем, где мне сожгли руку, было не так страшно. Наверное, потому что я не знал, чего ожидать. Боль, которую причинял мне брыластый, была не такой сильной, но постоянной, почти бесконечной.

Я облизнул пересохшие губы, глубоко вдохнул и шагнул вперед.

Брыластый стоял внутри с той же короткой палкой в руках. Я с трудом поклонился и без напоминаний принялся рисовать защитный массив.

– Первая неделя, – от его негромкого голоса я дернулся, сбился в середине печати и начал рисовать все заново, – это неделя боли. Тебе повезло, ведь тебя лечат каждый день, но боль остается в памяти тела, ее корни живут в твоей голове, и лишь от тебя зависит, во что она вырастет. Ты можешь питать ее своими страхами, поливать жалостью, тогда боль опутает тебя плетями и высосет все силы.

Я закончил массив и взял копьё наперевес. Шрам бы не одобрил такую стойку, но она позволяла мне отразить часть ударов, которыми брыластый часто начинал свои цепочки.

И после первого его удара страх ушел. Нет смысла бояться, когда причина страха уже перед тобой. Я не пытался вспоминать те цепочки, что он строил вчера, а реагировал на то, что уже было передо мной. Как ни странно, но сегодня я успевал уклониться или отбить большую часть ударов, изредка пропуская выпады в сторону головы. Все равно же массив сдержит.

Тем сильнее было мое удивление, когда после слова «стоп» брыластый не остановился, а продолжил атаковать. После очередного удара массив рассыпался, но он все не прекращал бить. Я снова запаниковал и получил удар в лоб. Кожа порвалась, и лицо залило кровью.

– Я же говорил «Стоп»! – выкрикнул я, пытаюсь вытереть кровь.

– Верно, – сказал брыластый. – Вот только твое тело перестало бояться ударов в голову. А значит, ему нужно было напомнить, что массив не всегда сможет защитить. С этого дня ты будешь рисовать массив только один раз за

тренировку. Сколько он продержится, зависит от того, сколько ударов ты пропустишь. Ты можешь остановить кровь? Или продолжим с закрытыми глазами?

Я тут же стер кровь и попытался самостоятельно, наощупь зашить порез магической нитью. Хотя там была не царапина, а просто сорван кусок кожи, который едва держался. Я как смог, закрепил его и сшил края, хотя впервые это делал не глядя. Кровь потихоньку сочилась через нити, но хотя бы не хлестала, как в начале.

Слишком быстро брыластый менял правила, значит, мне нельзя опираться на их выполнение. Впрочем, он был прав, в настоящем бою правил не будет, и нет никаких гарантий, что у меня будет время нарисовать массив. Вот только осознание его правоты не делало мою жизнь легче.

Я заметил, что сегодня он двигался медленнее, чем вчера, словно давая мне возможность отреагировать, и решил этим воспользоваться.

Вчера он показал мне, насколько я слаб. Но ведь я могу усилить себя при помощи Ки, и тогда никакой его удар не сможет выбить у меня копьё. Сложность была лишь в том, что я не успевал перенаправить энергию в нужные мышцы. Даже под летящие стрелы было подстроиться легче, ведь на арене у меня был один противник и стрелял он с одной точки, с одной и той же силой. Змей...

И когда брыластый пошел по четвертому кругу одной и той же цепочки, я решил рискнуть и вместо того, чтобы уклониться, принял удар на копьё, усилив одновременно и руки, и колени. Но он не удивился, а резко ускорился и нанес следующий удар цепочки с такой силой, что меня отбросило в сторону.

– Я не против Ки-усиления, – сказал он, пока я вставал и поднимал копьё. – Но учти, после каждого такого приема я буду делать то же самое.

Вечером я с трудом смог добрести до лекаря. Горела и чесалась рана на лбу, ныли мышцы после нескольких попыток усиления, подергивало правое плечо, куда пришлось несколько сильных ударов. Но я был счастлив. В самом конце я смог продержаться против усиленных ударов до конца цепочки.

В таком русле проходили и последующие дни в сыхэюане Джин Фу. Я изучал магию и заклинания, учился применять их на практике, принимал уроки и побои от брыластого, а по вечерам лечился и слушал Тэн-ишена. И многое для меня открывалось заново. Так, например, я узнал, что маги уже знали о том, что поддерживать заклинания легче и дешевле, чем инициировать их, и что давным-давно, когда еще не были разработаны дальнобойные мощные заклинания, в армиях был особый род войск, где один человек задавал первоначальный импульс, а второй раздувал его при помощи Ки. Чаще всего, это была пара из факельщика и мага.

Узнал, что для магии не обязательны конкретные слова, достаточно четко сформулированного мысленного посыла, но в прошлом люди сталкивались со случаями, когда маги случайно запускали заклинание, особенно под влиянием эмоций, с тяжелыми последствиями, в том числе и для самих магов. Поэтому решили привязать заклинания к словам. Для контроля магии.

После этого я понял, почему в свитках по магии сначала пишутся слова, а уже потом подробно объясняется действие заклинания и внутренние ощущения для его запуска. И лекарь, тот, который был в караване, также объяснял мне, как нужно выпускать магическую нить: сначала слова, а уже потом все остальное.

Впрочем, опытные маги с хорошим самоконтролем могут не использовать слова и полностью перейти на изначальную магию.

На пятый день в комнате для утренних занятий мы обнаружили рядом с Джин Фу еще одного человека, сурового вида мужчину в плотной длиннополой куртке, которая больше походила на доспехи, чем на обычную одежду.

– Знакомьтесь, это Ци Лонгвей, моя правая рука, помощник и старый друг. Лонгвей, это те самые мальчики. Старший – Шен, будущий наследник, младший – Байсо, отрада для моей жены.

Мы дружно поклонились. Я не ожидал, что помощник Джин Фу будет выглядеть как бывший военный. Ему хотелось дать в руки меч, посадить на лупоглаза и отправить в бой.

– Шен, Байсо, я хочу отправить Ци Лонгвея к Мастеру. Но перед этим нам нужно узнать, что это за человек. В общих чертах мы уже проработали предложение,

заметьте, предложение, а не угрозу или подкуп, я же вижу, как вы насупились. По вашим словам, это действительно незаурядный мужчина, который не должен прозябать в мелком городке в самом бедном районе. Шен, ты уже убедился, что я всегда держу свое слово, так почему ты сейчас отводишь взгляд?

– Учитель Фу, я не думаю, что Мастер согласится оставить Черный район. Без него же там все умрут, – тихо сказал я, не поднимая глаз.

– Шен, я, кажется, не давал вам повода засомневаться во мне. Разумеется, я учел этот момент. Но детали мы будем обговаривать уже с Мастером. А сейчас я прошу еще раз описать его внешность. Любую деталь: шрамы, родинки, цвет глаз.

Я вздохнул, мне почему-то казалось это предательством Мастера, но я также помнил, что обещал помочь Джин Фу в обмен на жизнь Шрама. Но тут заговорил Байсо, скинув постоянную маску дурашливости. Несколькоими словами он обрисовал портрет Мастера, сказав даже о том, что мне бы никогда не пришло в голову.

Джин Фу и Ци Лонгвей переглянулись между собой, затем Ци вытащил из рукава аккуратно сложенный лист бумаги и протянул его Байсо:

– Скажи, Мастер похож на этого человека?

Байсо развернул лист, посмотрел на рисунок, а затем передал его мне. Я тихо вскрикнул от неожиданности. Это был портрет мужчины, который как две капли воды походил на Мастера, но в то же время сильно от него отличался. Во-первых, у мужчины на бумаге не было шрама, но его красивое аристократическое лицо портил жесткий колючий взгляд, во-вторых, он был одет в странного фасона одежду, но явно дорогую, а на поясе у него висел меч. Мастер же всегда носил простое черное ханьфу, и я ни разу не видел у него в руках оружие.

– Очень похож, только у Мастера большой шрам отсюда досюда, – показал на себе Байсо, я кивнул, подтверждая.

– У вас никогда не было ощущения, что Мастер родился не в этой стране? – спросил Ци Лонгвей.

Я попытался вспомнить что-то такое, но не смог. Для меня Мастер был настолько необычным человеком, словно он спустился с небес, и поэтому любые его действия казались одновременно необычными для меня, но вполне естественными для него.

Байсо же почесал затылок, но под укоризненным взглядом Джин Фу отдернул руку и сказал:

– Пожалуй, только один раз. В самом начале, когда я только пришел в Черный район, нужно было провести церемонию именованья. Впервые за долгое время ребенок там смог дожить до десяти лет, и провести ее мог только Мастер, так как больше никто не умел определять талант. Но когда все собрались на площади, принарядившись, кто как мог, вместо десятилетней девочки он пошел к пятилетнему мальчику, взял на руки и начал говорить что-то про первую церемонию, про настоящее имя. Пинь тогда чуть не разревелась от обиды, – улыбнулся Байсо, – тогда ему объяснили, для кого нужна церемония. Мастер тогда немного смутился, но провел церемонию для Пинь.

– Как думаешь, почему такой человек остался в Черном районе? – Ци Лонгвей чуть наклонился вперед, ожидая ответа.

– Я сначала тоже не понимал. Если бы я умел столько, как он, то я бы точно не остался в нашем городе или хотя бы переселился в Белый район, стал чиновником, купил бы летающего дракона, женился бы на самой красивой девушке и жил бы себе поживал. Но когда я привел Шена и увидел, как Мастер заботится о нем, то понял, что Мастер просто очень хороший человек. Ему важна каждая человеческая жизнь. Он не может спасти всех, но те, кого он принял под свое покровительство, должны быть живы, здоровы и сыты. Он как хороший отец: не только оберегает, но и воспитывает, приучает к опасностям и выпихивает из гнезда, как только ребенок становится достаточно сильным.

– Так что же, вы уже стали сильными? – улыбнулся господин Ци, глядя на мелкого растрепанного мальчишку.

– Конечно, – вздернул тот нос, – ведь мы же дошли до столицы.

Глава 4.1

Посередине утреннего занятия Джин Фу резко встал, отчего я вздрогнул и оторвался от очередного свитка.

– Мальчики, быстро встали и за мной, – и он широкими шагами пошел на выход. Мы с Байсо переглянулись и последовали за ним.

Он вышел из чженфана и направился туда, куда нам вход был строго-настрого запрещен – в дом, находящийся позади дома Джин Фу. Там традиционно должны проживать незамужние дочери главы дома или, как было здесь, незамужние служанки. Госпожа Роу предупредила, что хоть мы еще и дети, но если она узнает о попытках проникновения в тот дом, то сурово нас накажет. Правда, Байсо было очень любопытно, что эта добрейшая женщина может сделать. Он предполагал такие жуткие кары, как табу на сладости на один день или пятиминутный выговор, но все же не стал нарушать запрет. Мне показалось, что он просто не хочет расстраивать госпожу Роу.

Джин Фу провел нас в комнату в глубине дома, сказал сидеть тихо-тихо и ни в коем случае не выходить. Тут же к нам присоединились две служанки в традиционных платьях, они принесли немного закусок и начали болтать с Байсо о разных мелочах. Я, к стыду своему, не знал их имен, помнил только, что они были из тех девушек, которым разрешено было входить в дом Джин Фу, а это особая привилегия. Кухонным работницам и помощницам по саду туда входить не разрешалось.

Я сидел в углу и мысленно вспоминал слова и описания последних прочитанных заклинаний, как снаружи послышался шум. Байсо бросился к двери, чуть-чуть приоткрыл ее, так чтобы его не было видно. Служанки также пристроились рядом. Я не выдержал и подошел к ним, выглядывая в проем над их головами.

Оказывается, узкий проход к заднему дому охранялся. Я увидел спину высокой девушки с длинной косой в короткой, до колен, тунике и широких свободных штанах, в правой руке у нее был сложенный веер.

– Уважаемый господин, – поклонилась она невидимому для нас мужчине, – эта покорная слуга никак не может пропустить вас дальше. Прошу прощения за

невольно выказанную дерзость по отношению к господину.

– Так пропусти же меня. Или, может, ты не знаешь, кто я такой? – развязно сказал мужчина.

– Прошу прощения, уважаемый господин, служанка слишком глупа и не узнает благородного господина.

– Я – единственный сын и наследник старшего брата твоего господина, Джин Джинхея. Мое имя – Джин Вей (Вей – величие). Теперь ты понимаешь, что обязана меня пропустить, глупая девчонка!

– Прошу прощения, уважаемый господин Джин Вей, но эта покорная слуга никак не может нарушить приказ своего господина. Я готова принять наказание за дерзость, но не хочу прослыть недостойной милости господина Джин Фу.

– Я уверен, что его приказ не относился к его ближайшим родственникам. Пропусти, иначе пеняй на себя, – служанка чуть отодвинулась в сторону, и я заметил, как высокий холеный мужчина с позолоченной бородкой попытался ударить ее по лицу, но она перехватила руку и оттолкнула его на несколько шагов назад.

– Ты что, пыталась меня ударить? Да тебе отсекут обе руки за это! – закричал он в бешенстве и вытащил длинный нож из широкого рукава. Я дернулся выйти и помочь девушке, но Байсо тут же вцепился мне в ногу, а служанки одновременно перекрыли мне доступ к двери.

– Не смей. Иначе ты все испортишь, – зашипел брат. – Чжан Лан сама с ним справится.

Девушка одним плавным движением развернула веер и, закрывшись им, как щитом, заблокировала удар ножа, а затем мгновенно сложила его и ударила мужчину в живот. Тот скрючился, сплюнул и просипел:

– Клянусь Пропастью, ты пожалеешь об этом!

– Что тут происходит? Джин Вей, как ты тут оказался? – с облегчением я услышал умиротворяющий голос госпожи Роу. Она подошла к служанке, перекрывая собой проход к дому.

– Роу-шеншен (шеншен – обращение к жене младшего брата отца), – возмущенно выпалил мужчина, спрятав нож. – Эта девчонка не дает мне пройти. Мне, наследнику старшего брата ее хозяина!!! Она даже осмелилась поднять на меня руку. Как вы терпите эту грубиянку! Отдайте ее мне, и я научу ее, как правильно разговаривать с уважаемыми людьми.

– Вей-джицу (джицу – обращение к племяннику), я обязательно сурово накажу эту девушку. Но позволь спросить, как ты оказался рядом с женским домом?

– Я засмотрелся на ваш прекрасный дворик, пруд с рыбами и захотел пройти по всему сыхэюаню в надежде отыскать такие же прелестные места.

– О, это постоянно случается с нашими гостями, тебе не за что извиняться, – добродушно воскликнула госпожа Роу, хотя Джин Вей и не собирался просить прощения. – Впрочем, обычно гости все же помнят о том, что в любом сыхэюане мужчинам запрещен вход в задний дом, даже если у хозяев нет дочерей. Пойдем, мой дорогой Вей-джицу, я лично покажу самые красивые места в моем доме. В доме для прислуги ничего интересного нет.

Джин Роу изящно подобрала длинные, до пола, края рукавов и ушла, прихватив скандалившего мужчину. Служанки, которые были с нами в комнате, радостно выдохнули и защебетали:

– Ой, я так испугалась за сестренку Лан!

– И не говори, он ведь хотел ее убить. Я бы никогда не смогла держаться так, как она.

– Да, как она вежливо с ним разговаривала, но все же не пропустила.

– Хорошо, что госпожа Роу так быстро пришла, иначе могло бы случиться что-то страшное.

Я с удивлением смотрел на них, ведь обычно служанки не позволяли себе ничего лишнего, порой мне и вовсе казалось, что они немые. Я видел их мельком, в основном, только во время приемов пищи, где они прислуживали за столом.

Девушки почувствовали мой взгляд, обернулись и ойкнули от испуга.

– Простите, молодой господин, мы вели себя непозволительно.

– Да вы чего? – рассмеялся Байсо и дернул их за рукава. – Это же мой брат Шен. Не обязательно вести себя так официально. Но сестренка Лан и правда потрясающая. Она так здорово умеет драться!

– Конечно, – девушки повеселели, когда заговорил брат. Они все еще косились на меня, следя за выражением моего лица, видимо, выстраивая правильную линию поведения. – Ее учил сам Бай Чонган.

Ничего себе! Даже меня учил лишь брыластый, а эту служанку тренировал сам Добряк? Видимо, это неординарная девушка.

Мы просидели в женском доме еще несколько часов, весь план занятий на сегодня был сорван. Девушки несколько раз заваривали для нас чай, Байсо обсудил с ними цены на наряды и украшения, как сложно найти хорошего мужа в нынешнее время и почему один из охранников совсем не замечает заигрываний со стороны служанок.

Я нашел в углу оставленный кем-то свиток и начал читать, там оказалась фривольная история про запретную любовь служанки и старшего сына хозяина. В результате я дочитал ее, но к концу у меня пылали уши и щеки от стыда.

Девушки лукаво поглядывали в мою сторону, но не стали отбирать свиток. Зато это сделала госпожа Роу, когда пришла за нами.

– Шен, что это ты читаешь? «Любовь за семью покрывалами»? Откуда ты взял эту книгу?

Я растерялся, не зная, что ответить. Сдавать девушек не хотелось, но сказать, что это мой свиток, я тоже не мог. Впрочем, госпоже Роу не нужен был ответ.

– Вы снова? – грозно посмотрела она на служанок. – Я же запретила покупать подобные книги! Или у вас много лишних денег? Кажется, в этом месяце кто-то останется без дополнительного вознаграждения, а обычную плату я передам сразу вашим родителям.

– Мальчики, – повернулась она к нам, – идемте. Мой муж хочет с вами поговорить.

В закрытой от прослушивания комнате мы уселись на свои места, но госпожа Роу не ушла, как делала это обычно, а устроилась рядом с мужем. Джин Фу сказал:

– Как я не откладывал этот момент, но он все же настал. Семья узнала о моем возвращении с возможным наследником и жаждет с ним познакомиться. Сегодня мой дом посетили два брата со своими сыновьями. Так как у меня нет детей, предполагалось, что я передам свою часть дела одному из племянников. Как вы понимаете, особой любви к вам никто не испытывает.

Завтра я вынужден буду устроить званый ужин для всей семьи. Отец вряд ли придет, но братья с женами, сыновьями и внуками будут в полном составе. Вы помните, что один из них, а может, и не один, замешан в покушении на мое убийство.

Я взглянул на госпожу Роу и поразился твердости ее взгляда. Эта женщина явно была готова к войне.

– Для всех нас это будет настоящая проверка, от результатов которой зависит наше будущее и жизнь Байсо. Я дам вам сигнальные амулеты, которые будут настроены на меня, Роу и Бай Чонгана, если вы попадете в сложную ситуацию, сразу вливайте Ки, и кто-то из нас тут же придет на помощь. Я приставлю к вам охрану, но их могут отвлечь или послать с каким-то поручением.

Шен, твоя задача – держать себя в руках. Ты не должен выказывать гнев, обиду или злость. Помни, все они – опытные переговорщики, и если ты будешь испытывать какие-то эмоции при разговоре с ними, значит, они захотели, чтобы ты их почувствовал. Отслеживай состояние, контролируй себя, избегай вопросов

о прошлом.

Байсо, не отходи от Шена ни на шаг. Если спросят что-то по торговому делу, ты должен будешь дать брату подсказки, но не выйти из образа. Никто не должен заподозрить в тебе конкурента.

Я снова взглянул на жену Джин Фу. Предполагалось же, что она не знает о том, кто из нас кто, но на ее лице не было ни малейшего удивления.

– Если вы продержитесь завтра, то дальше будет легче, – закончил инструктаж Джин Фу.

– Господин Джин, а что будет с Чжан Лан? – спросил Байсо. – Ее накажут?

– Конечно, нет, – всплеснула руками госпожа Роу. – Она выполняла приказ мужа и справилась с этим великолепно. Но ради ее безопасности мы переведем ее на время в одно из торговых отделений.

– Верно. Она прошла свое испытание и теперь получит повышение, как я и обещал. Теперь можете идти. Шен, у тебя скоро тренировка.

* * *

Когда Шен и Байсо вышли, Джин Роу задумчиво поправила прическу и сказала:

– Знаешь, хоть ты и предупредил меня заранее, что мальчики будут притворяться не теми, кто они есть, я все же не могу поверить в то, что именно Байсо ты выбрал своим наследником.

Джин Фу улыбнулся:

– Почему?

– Я внимательно слежу за этим ребенком, ты же знаешь, я провожу с ним довольно много времени, и вижу только милого обаятельного малыша. Байсо – он же такой непосредственный, легкомысленный. У него на уме только шалости

и сладости. Служанки по очереди таскают ему пирожные, – женщина махнула рукой. – И ты говоришь, что он должен будет через полгода участвовать в этом нелепом соревновании твоего отца? Его же съедят. Или сломают.

Не подумай, я не прошу отказаться от его усыновления. Я очень привязалась к нему за эти дни. Он как идеальный младший сын, о котором я всегда мечтала. А Шен ведет себя как правильный старший сын. Он серьезный, вдумчивый, слегка замкнутый, много учится. Может, ты все же передумашь?

Бритый торговец покачал головой:

– Этот, как ты говоришь, легкомысленный малыш, на третий день после прибытия в этот дом смог назвать мне всех обитателей сыхэюаня, разгадал секрет вторых ворот, указал тех, у кого есть допуск во внутренний двор. Более того, он сказал, где ты хранишь свои драгоценности, и я не про обычные украшения, а про тайную коробочку, в которой ты прячешь мой первый подарок.

Джин Роу смущенно прикрыла лицо рукавом.

– А вчера он сумел отыскать ту служанку, которая имела глупость продавать вещи из дома. Ты давно уже жалуешься, что постоянно пропадают какие-то мелочи, и ты никак не можешь их найти. Ты оказалась права, их воровали, выносили под одеждой и продавали на рынке. За неделю Байсо сумел втереться в доверие ко всем слугам и охранникам, при нем обсуждают даже то, что никогда бы и не подумали сказать при нас.

Я всегда говорил, что истинный торговец не притворяется кем-то иным, а использует те черты характера, что ему свойственны. Мой основной образ – это образ честного дельца, который обговаривает условия заранее и держит свое слово. Ты сохраняешь образ доброй и красивой госпожи, которая готова всех простить, обнять и обогреть.

– Но я...

– Ты и есть такая, все верно. А еще ты умная женщина с железной волей, но эти качества ты предпочитаешь скрывать от посторонних. Шен, если бы имел желание стать торговцем, стал бы скорее всего педантом, заранее прописывающим все возможные варианты в договоре. Но несмотря на страсть к

знаниям, его тянет больше к свиткам, магическим тайнам и прочим наукам. Если бы не низкий талант, он мог бы стать со временем знаменитым магом, не хуже Фа Вейшенга, но я думаю, его судьба – стать магом-теоретиком. Возможно, он сумеет открыть какое-то новое направление в магии, что-нибудь на стыке начертания, заклинаний и боевых искусств.

Байсо же всего лишь ребенок. И после всего, что он испытал в прошлом, конечно, он хочет веселиться, есть ранее недоступные вкусности, познавать мир во всех его проявлениях. Но при этом он выполняет все мои задания. Не недооценивай этого ребенка. Я уверен, что со временем он сможет возглавить «Золотое небо», даже несмотря на низкий магический талант и отсутствие крови семьи Джин. Так что продолжай заботиться о нем, и когда-нибудь он позаботится о нас.

Глава 5

День приема гостей начался с Байсо, который с разбегу запрыгнул на мое одеяло и закричал прямо в ухо:

– Подъем!! Завтрак проспидь!

Хотя госпожа Роу вчера сказала, что распорядок дня будет изменен, и еду принесут каждому в дом, чтобы не обременять и без того загруженных слуг сервировкой стола, и я рассчитывал поспать подольше.

Оказалось, слуги уже принесли завтрак, довольно простой по сравнению с обычными приемами пищи в этом доме: белый рис, запеченное мясо, два вида соуса и чай. И специально для Байсо – несколько его любимых пирожных.

Брат быстро уплел свою долю и, с трудом дождавшись, пока я доем, потащил меня в комнату для утренних занятий. Там не было ни Джина Фу, ни его жены, Байсо с важным видом уселся на место учителя, погладил свою шевелюру точно таким же жестом, каким Джин Фу поглаживает свою бритую голову, и басовито сказал:

– Сегодня, мальчики, я расскажу вам немного о своей семье.

Я и до этого с трудом сдерживал смех, а услышав знакомые нотки учителя в голосе брата, не выдержал и расхохотался. Байсо же стряхнул с себя важность и подошел поближе:

– Учитель сказал немного подготовиться тебе к сегодняшнему приему. У нас с ним был спор насчет того, как ты должен себя вести. Помнишь, он говорил, чтобы ты сдерживался, не показывал эмоции, ничего не рассказывал о себе? Так вот, я думаю, он ошибался.

За эти дни я немного отвык от Байсо серьезного и сейчас с трудом воспринимал его слова, все время казалось, что он сейчас рассмеется и скажет какую-нибудь глупость.

– Если ты попытаешься вести себя правильно, соблюдая все эти этикетные штучки, то все равно где-нибудь ошибешься. В них это вбивали с рождения: поклоны, правильный порядок блюд, улыбочки нужной ширины, мы же с тобой как дикари. А значит, и вести себя должны по-дикарски. Но я совсем дикий дикарь, а ты – следующая ступень: дикарь обученный.

Тебя будут тыкать носом в каждый промах, ты начнешь волноваться, следить за собой, переживать, что подведешь Джин Фу, от этого еще будешь больше ошибаться. Поэтому прямо сейчас ты должен сдаться!

– Что? Как это – сдаться? Кому?

– Сдайся перед самим собой, – на лице Байсо не мелькнуло ни намек на смех. – Скажи, что ты не сможешь сделать все, как надо. Скажи, что ты никогда не станешь таким, как они. Скажи, что ты дикарь. Я серьезно. Вслух скажи.

Я чувствовал себя полным глупцом, но послушался:

– Я не смогу сделать как надо. Я дикарь и никогда не стану таким, как эти торговцы.

– Ты сдался?

- Э-э-э...

- Проиграй же. Ты не самый лучший ученик, не умеешь себя правильно вести, ты обязательно перепутаешь их имена. Разве не так? У тебя дырявая память на лица, а еще ты постоянно думаешь только об этих свитках и своих тренировках. Конечно, ты опозоришься. Ты не согласен?

- Согласен, - выдохнул я и почувствовал, как внутри словно распустился тугий комок. Я ведь и правда не такой, как они. Я не смогу выполнить все, как надо.

- Вот, отлично, - улыбнулся Байсо. - Теперь, когда ты уже проиграл, можно и повеселиться. Знаешь, как? Ты не будешь вести себя, как они, а будешь лишь изображать старание. Понял?

- А в чем отличие?

- Если тебе сделают замечание, то улыбнись и поблагодари этого человека, типа, «спасибо вам, тетушка, я еще плохо знаю этикет, и ваши слова помогут мне стать лучше» или «Вы так заботитесь о моем образовании, я очень благодарен». Если ошибка будет прямо огромная, то ты первым должен сказать, что родом из провинциального города, из бедной семьи. Если ты будешь стесняться своего прошлого, то тебя затыкают, если же ты сам его признаешь, то станешь неуязвим.

- Мне это напоминает тренировки с брыластым. Он тоже мне постоянно говорит, что я слишком слаб и не должен блокировать удары, а только избегать их и уклоняться.

- Точно, - обрадовался Байсо. - Представь, что ты дерешься с сильным и опытным воином. Если ты будешь играть по его правилам, то есть бить со всей силы, принимать удары на грудь, то быстро умрешь. А если будешь гибким и вертким, то есть шанс выжить. Не выиграть, а просто выжить.

- А если меня спросят что-то насчет торговых дел?

- О, тут все просто. Если знаешь, что сказать, говори, а если не знаешь, то сразу признавайся в том, что ты неуч и мало в чем разбираешься. И чуть-чуть

улыбнись краешком рта, вот так, – и Байсо дернул уголком рта в сторону, от чего показалось, что он насмехается. – И вообще, следи за мной краем глаза. Когда я чешу затылок, тоже так улыбайся, словно вскользь, словно не хотел, но не смог удержаться. Пусть лучше они думают, что твоя стратегия – прикидываться дурачком, чтобы тебя не воспринимали всерьез, а на самом деле, ты все понимаешь.

– А если они поймут, что я дурак?

– Скорее всего, решат, что ты лишь талантливо прикидываешься. Ведь Джин Фу точно не дурак, а значит, не стал бы брать в наследники заведомо проигрышного человека. Ну и я им там идей подкину. Ты, кстати, старайся мне подыгрывать. Возмущайся, пытайся приструнить, а когда я назову тебя младшим братом, дай мне подзатыльник. Договорились? Только бы с ними не было детей... – вздохнул Байсо.

– Почему? Наоборот, нам будет с кем поговорить. Может, мы сможем подружиться или хотя бы сделать вид, – бодро проговорил я. Мне хотелось, чтобы все эти страхи оказались всего лишь страхами, неоправданными подозрениями Джин Фу, но я помнил мертвые тела, лежащие перед нами, помнил прощальные слова Добряка и учителя Фу. Если нападение на караван и вправду было совершено по заказу одного из семьи Джин, то подготовка к семейному ужину как к военным действиям была оправдана.

– Если бы это были обычные дети, как ты или я...

Я даже усмехнулся при этих словах, так как ни Байсо, ни я не попадали под определение обычных. Брат хлопнул в ладоши:

– Вот так и улыбайся, понял? Так вот, если бы они были обычными детьми, тогда мы могли бы подружиться, но это будут особые дети, дети торговцев в третьем или четвертом поколении, которых обучали контролировать свои эмоции и слова с рождения. И есть негласное правило: что запрещено делать взрослым, часто прощается детям, чем я и собираюсь воспользоваться.

Например, когда тебя в очередной раз упрекнул твоим прошлым, ты можешь сделать так, – тут лицо Байсо застыло в странной неживой улыбке, а его взгляд устремился сквозь меня, далеко за пределы комнаты. Он тихо прошептал: – Вы

правы, я совсем не разбираюсь в деликатесах. Моя сестренка умерла от голода у меня на руках, и я ничего не мог сделать. В то время и подгнившая репа была для нас невысказанной роскошью.

У меня невольно навернулись слезы на глаза, я вспомнил про свою маму и то, как умирала она. А Байсо выждал паузу, затем снова ожил, вот только улыбка исчезла с его лица:

– Понимаешь? После такого ни один взрослый не посмеет больше намекать на мое прошлое. Не потому что ему будет стыдно или он прямо растрогается до слез. Сам старик Джин, может быть, и понял бы нас, но его дети и внуки жили в достатке с самого рождения и не знают, что такое настоящий голод. И продолжать допрос будет уже неприлично. Но! Неприлично только взрослому, а вот какая-нибудь малявочка с румяными щечками, подученная мамой и папой, сможет запросто спросить что-нибудь этакое.

В общем, помни: ты уже проиграл, ты ничего не знаешь, улыбаешься, когда видишь, что я чешу затылок, и даешь мне оплеуху, когда я назову тебя младшим братом. А в остальном будь собой: серьезным, угрюмым, забывчивым.

Кстати, мой тебе подарок. Ты ведь до сих пор не знаешь, кто каждый день избивает тебя палкой? Так вот, этого дядечку зовут Тао Сянцзян, прозвище – харскуль.

Харскуль, харскуль... Что-то очень знакомое, словно я недавно слышал это слово. Точно! От радости я даже прищелкнул пальцами. На арене во время отбора было такое животное. Приземистое, на первый взгляд, неуклюжее, оно неторопливо перебирало лапами, кружа вокруг кандидата в охрану. Его коричневая чешуя была покрыта грязновато-серыми разводами и неопрятно свисала с живота и морды, образуя несимметричные складки. Тот забавный мальчик, Ян Ксу, сказал, что харскуль умеет вливать Ки в мышцы, совсем как опытный воин, но больше никакой магией не обладает.

Его соперник, мужчина с большим молотом, настороженно поворачивался, следя за зверем, но все же пропустил момент, когда харскуль молнией отскочил в сторону и уже оттуда напал на него. Кажется, воину тогда серьезно повредили ногу.

Да, пожалуй, это прозвище подходило брыластому.

– Знаешь, Байсо, кажется, я уже жалею, что влез в интриги торгового дома. Я здесь совершенно не к месту и чувствую себя обузой, видишь, тебе приходится объяснять, как нужно себя вести. И все равно мне кажется, что я всех подведу.

– О, ты приблизился на шаг к пониманию того, как я чувствовал себя в Черном районе. Там ведь ценились только сильные мышцы да знания о разных паучках и травках, а я вообще в этом не разбирался. Да я даже нулевую тропу сумел пройти лишь потому, что следил за выражением лица Пинь. Если она сдвинула брови, значит, я где-то ошибся, если ее лоб разгладился, значит, все пока хорошо.

Это просто не твое. Тебе не интересны люди, мне не интересно умение драться. Что бы там не напридумывал Джин Фу, сразу после возвращения каравана ты должен уйти отсюда, поступить в университет и забыть о торговых делах, договорились? Мы пойдем наверх разными дорогами и увидим, кто доберется туда раньше. И, кстати, тебе стоит выбрать что-то вроде школы боевых искусств, там в течение первого года ученикам запрещено выходить в город и встречаться с родными. А через год все уже успокоится, я займу свое место, и ты будешь никому не интересен.

Как только мы вышли из закрытой комнаты, на нас, словно оголодавшие кровавые бабочки, накинулись служанки, они даже одеты были в нежно-голубые ханьфу в цвет их крыльев. Мы с Байсо по очереди помылись, нас натерли ароматными маслами, нарядили в многослойные наряды. Девушки долго пытались завязать мои короткие волосы в пучок или хвостик, но после каравана они еще не успели отрасти, поэтому госпожа Роу, зашедшая проверить нас, приказала надеть на меня полукруглую шапочку в цвет одежды.

Глядя на меня, Байсо принялся канючить, что хочет такую же шапочку. Госпожа Роу покачала головой, ведь этот головной убор может носить лишь старший сын, но братишка не на шутку разошелся. Его нижняя губа задрожала, словно он вот-вот расплачется, глаза заволокло слезами, женское сердце не выдержало, и госпожа разрешила ему надеть похожую шапочку.

Мы втроем неспешно вышли из дома и направились к внутренним воротам. Джин Фу будет встречать своих родственников у внешних ворот, как и подобает радушному хозяину, а мы вместе с приближенными слугами будем второй линией. Если бы он взял меня с собой, это было бы равнозначно официальному признанию меня его сыном и наследником, а при нынешнем раскладе он словно еще не был уверен, кто именно займет его место. Все это торопливым шепотом рассказала нам Джин Роу.

Я шел справа от госпожи, Байсо слева, позади нас четыре служанки, и Чжан Лан среди них не было.

Как только ворота начали открываться, Байсо начал представление. Он осторожно, чтобы госпожа Роу не заметила, принялся почесывать голову, сначала тихонечко, затем все сильнее и сильнее, сдвигая шапочку набок. Я старался смотреть на входящих людей, но постоянно косился на брата. Он то и дело морщил нос, убирал руки за спину, но затем снова чесал макушку под шапочкой. Когда почти все вошли во внутренний дворик, он все же не выдержал, снял шапочку, с облегчением встряхнул взъерошенными белыми волосами, а затем украдкой зашвырнул головной убор в кусты и широко улыбнулся прямо в ошарашенные лица гостей.

Я мог понять их недоумение. Прямо на их глазах один из кандидатов в наследники чуть ли не демонстративно отказался от своего места в семейной иерархии.

Взаимные поклоны. Джин Фу сначала представил нас, как самых младших:

– Хочу представить вам своих воспитанников, Шена и Байсо. И хотя они еще не являются частью семьи Джин, я надеюсь, что в скором времени это изменится.

Воспитанники? Интересно. Джин Фу явно осторожничает.

– Шен, Байсо, познакомьтесь с вашими будущими родственниками. Это сыновья Джин Ганга: Бо, Чжун и Шу.

Я с радостью поклонился, скрывая улыбку, ведь их имена означали всего лишь порядок рождения: Первый, Второй и Третий. Разница в возрасте у моих так называемых кузенов была небольшой, не больше года-двух, старшему около

сорока лет. Все трое были высокими, гладколицыми и круглоглазыми, волосы убраны под простой головной убор, напоминающий мой, но с дополнительным выступающим прямоугольником сзади. Но что интересно, наследником был признан не старший сын Бо, а младший – Шу. Хотя Джин Фу предполагал, что Ганг может переиграть все в последний момент.

– Это Джин Джинхей, его первая жена Янмей и Джин Вей, сын и наследник.

Я снова поклонился. Джин Вей, тот самый мужчина с позолоченной бородкой, который вчера пытался прорваться в женский дом и чуть не ранил служанку. Вблизи он показался мне еще противнее. Слишком вычурные одежды, напыщенный и высокомерный вид, такой явно никогда не знал ни голода, ни холода.

– Джин Ливей с женой Лиджуан. Их наследник Люй Хуи и дочь Джин Суин.

Еще один из семьи Джин, который выбрал в наследники не собственного сына, а постороннего человека. Насколько я помнил, сыновья у него были, но один сразу отказался от семейного дела и пошел в военную отрасль, второго забраковал сам Ливей, так как гонору у него было много, а толка мало. А Люй Хуи с детства был на глазах у Ливея, как ребенок одного из его доверенных работников, и всегда проявлял недюжинный талант к торговле, так что как только торговец понял, что сыновьям доверить дело нельзя, то обратил свое внимание на Хуи и последние годы растил его как своего преемника. А Суин, шестнадцатилетняя красotka, должна в скором времени выйти за Люй Хуи замуж и таким образом закрепить его статус в семье Джин окончательно.

– Джин Ченг с женой Нинг и их сыновья Джеминг и Юн.

Джин Ченгу было всего сорок восемь лет, и он был ненамного старше Бо, сына Ганга, а его сыновья были ближе всего ко мне по возрасту, например, Юну недавно исполнилось двадцать лет. Ченг пошел традиционным путем и сделал наследником старшего сына Джеминга.

Что ж, чаяния Байсо сбылись, и все Джинины решили не брать на прием младшее поколение, правнуков главы «Золотого неба». Так что мой братик мог спокойно устраивать свои представления. И я уже хотел, чтобы он поскорее их начал, так как внимание гостей в основном сосредоточилось на мне.

Впрочем, увидев столь взрослых и представительных людей, я сразу успокоился. Таким людям и проиграть было не стыдно, все равно что сдать Добряку, поэтому мне лишь нужно выжить. Не выиграть, а выжить.

– Байсо, а где твоя шапочка? – всплеснула руками госпожа Роу, словно она только что заметила ее отсутствие.

– А я... она... там чесалось, и вот... – промямлил брат, а потом выпалил. – Мама Роу, это что, теперь у меня столько родственников?

У меня аж глаз задергался от такой наглости. Как он посмел так обратиться к госпоже Джин? Я взглянул на нее и обомлел. Она улыбалась, но на ее лице заблестели слезы. Женщина вытащила из рукава платок, по очереди промокнула уголки глаз, чтобы не попортить пудру и тени, нежно погладила Байсо по лохматой голове и кивнула:

– Да, малыш, теперь у тебя очень большая семья, – а потом повернулась к гостям. – Вы простите его, у мальчиков была нелегкая судьба.

– Ну что вы, Роу-шеншен, вам не за что извиняться, – тепло сказал Шу. – Мы очень рады за вас и ваших воспитанников.

– Жаль, что отец не успел вернуться, он тоже хотел познакомиться с вашими мальчиками, – добавил второй брат, Чжун. Бо, старший из сыновей Ганга, лишь кивнул, подтверждая слова брата.

– А где сейчас Ганг-гого (гого – старший брат)?

– Он должен приехать примерно через месяц вместе с мамой. Шен-бьяоди (бьяоди – младший кузен), – внезапно обратился ко мне Шу, – если ты будешь помогать Фу-щущу (щущу – младший брат отца), то мы с тобой будем часто встречаться по рабочим вопросам. Ты как, уже немного разбираешься в амулетах?

Эти трое братьев почему-то вызывали у меня доверие. Несмотря на трехкратную разницу в возрасте, с ними было комфортно, поэтому я пожал плечами и ответил:

– Я только начинаю во все это вникать, но уже успел на себе испытать, насколько могут быть полезны амулеты. Если бы не один из них, вряд ли бы мы сумели добраться до столицы живыми.

– Опасная, видимо, была дорога, – кивнул Шу, – я тоже немало поездил с отцом в свое время, понимаю. А что за амулет вам так сильно помог?

– Шен, – со спины на меня напрыгнул Байсо, – о чем вы говорите? Я тоже хочу!

– Твой брат собирался рассказать про амулет, который спас вам жизнь, – Шу не смог сдержать улыбки при виде того, как я пытаюсь стащить со своей шеи мальчишку.

– О, это суперсильный амулет. Ни у кого такого нет, только у Шена, – Байсо все же слез с меня и гордо задрал нос. – Без него нас бы заобнимали насмерть древолазы. Дядечку Шрама едва смогли спасти. Помнишь, Шен, как ты заорал: «Они на деревьях!»? А все благодаря этому амулетику.

Я вытащил из-за пазухи амулет магического зрения и показал его братьям, а заодно отметил, что про амулет безмагии вслух говорить нельзя, иначе бы Байсо не вмешался. Хотя я был уверен, что Джин Фу не упоминал об этом.

– А-а, этот амулет, – протянул Шу, – верно, довольно полезная вещица.

Тут Байсо увидел пролетающую мимо бабочку и погнался за ней с восторженными воплями, не обращая внимания на то, что пачкает дорогие парадные одежды. На мой взгляд, это было немного чересчур, все же ему двенадцать лет, пусть Джин Фу и хотел выдавать его за десятилетнего, но дети в этом возрасте все же ведут себя более рассудительно. И подобная мысль промелькнула не у меня одного. Краем уха я услышал, как Янмей-бому (бому – жена старшего брата отца), жена Джинхей, тихо сказала госпоже Роу:

– Роу-димей (димей – жена младшего брата), а твой младшенький... он случайно не слабоумный?

– Янмей-саоцу (саоцу – жена старшего брата), конечно, нет, – горячо возразила госпожа Роу. – Байсо – славный умный мальчуган. Я думаю, что он просто

впервые в жизни почувствовал себя в безопасности и позволил наконец себе побыть ребенком. В караване, по словам мужа, он не хулиганил, слушал взрослых и никому не мешал. А какие чудесные картины он мне нарисовал, ты обязательно должна их увидеть! Ликин, – позвала она служанку, – принеси рисунки Байсо. Про ту, что в гостиной висит, не забудь.

Девушка поклонилась и ушла, а Янмей слегка скривилась, видимо, не горя желанием рассматривать каракули ребенка.

Ко мне тем временем подошел Юн, младший сын Джин Ченга:

– Шен-бьяоди!

Я тут же поклонился ему:

– Юн-тангго (тангго – старший кузен).

– Не нужно вести себя столь официальным, все же ты скоро войдешь в нашу семью, – рассмеялся юноша. Он был одет в одежду странного кроя. Его ханьфу было слишком коротким и не прикрывало даже колени, сшитое из плотной ткани, оно не запахивалось на животе, его края скреплялись непонятным образом. А на голове вместо привычной полукруглой шапочки была шапка с широкими полями, отчего его лицо все время было в тени. – Как тебе понравилась столица? Лучше твоего родного города?

– Не могу ответить вам, Юн-тангго, я видел Киньян лишь в первый день, когда мы ехали в дом Джин Фу. Хотя мне хотелось бы посмотреть столицу поближе.

– А что, Фу-щущу запрещает вам выходить на улицу?

– Я даже не спрашивал у учителя Фу, ведь мне нужно столько всего выучить. К великому сожалению и стыду, мои познания так малы...

– Вовсе нет, – вмешался в разговор Джин Фу. – Шен, тебе нечего стыдиться. Знаете, почему я выбрал этого ребенка и взял его с собой?

Последние слова учитель сказал погромче, и все гости повернулись к нам.

– Несмотря на столь юный возраст, Шен сумел во время отбора нарисовать законченный массив. Кто еще может похвастать таким достижением?

– А, может, Шен-джицу продемонстрирует нам свое умение? – насмешливо сказал Джинхей.

– Не возражаю, – ответил Джин Фу.

Я вытащил из кармана на поясе кристалл, зажал его в левой руке, а правой нарочито медленно приступил к самому простому массиву. Рисовал я его неторопливо, специально сделал несколько погрешностей, но в пределах допустимого, а на последней печати задержал дыхание, чтобы показать, как тяжело мне это дается. Доведя линию до конца, я радостно выдохнул и посмотрел на учителя. Джин Фу несколько раз хлопнул в ладоши и кивнул:

– Если я найду Шену хорошего учителя по начертанию, то лет через десять он станет не хуже этих напыщенных стариков из гильдии.

– Но Фу-диди (диди – младший брат), – возразил Джинхей, – я все же не понимаю, почему ты взял этого мальчишку. У тебя же есть человек получше, этот... как его... имя у него такое длинное...

– Тан Зенггуанг? – предположил Джин Фу.

– Именно. Он же работает на тебя с детства, как и Люй Хуи на Ливея, отличный торговец, опытный переговорщик, знает всех твоих поставщиков, все нюансы дела. Почему, ты уж прости, дикий мальчик с окраины мира?

– Видишь ли, я прогневал небеса: мне не было даровано счастье отцовства, а моя Роу так и не смогла подержать на руках своего ребенка. И когда я впервые увидел этого талантливого мальчика, который несмотря на все невзгоды сумел выжить, научился начертанию и даже отправился в столицу, чтобы поступить в университет, я подумал: «Жаль, что это не мой сын». Потом я узнал, что он сирота и, кроме брата, у него никого нет. А брат... ты видел его. Солнечный мальчик. Именно о таком сыне всегда мечтала моя Роу. И я подумал, почему бы и нет. Шен ведь хорош не только в начертании, он также неплохо управляется с копьем, любит учиться и серьезно относится к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Продажа весны» – так завуалировано называли оказание сексуальных услуг элитными девушками (китайский аналог гейши), а публичные дома, соответственно, назывались «Весенними домами».

доп: автор стихов – Polly Lemon

Купить: https://tellnovel.com/ru/butyrskaya_natal-ya/ideal-nyy-donor-stolica

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)